

ДАНИЭЛЬ ДЕССАН
НЕНАЗВАННАЯ

18+

Даниэль Дессан

Неназванная

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дессан Д.

Неназванная / Д. Дессан — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96725-0

Родилась она в приморской Альхане, в тёмную ночь, такую, что хоть глаз выколи. Никто её здесь не ждал. У неё не было даже имени и почти не было шансов пережить свой первый день рождения. У неё был только дар. Дар, который изменил всё.

ISBN 978-5-532-96725-0

© Дессан Д., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

58

Даниэль Дессан

Неназванная

...Родилась она в тёмную ночь, такую, что хоть глаз выколи. Никто её здесь не ждал. Ни мать, которая трижды пыталась уговорить местного травника, чтобы тот приготовил прерывающий декокт (старик всякий раз отнекивался, намекая, что в кредит работать не намерен). Ни шестеро её братьев и сестёр, очень хорошо понимающих, что похлёбку из щербатого глиняного горшка придётся вскорости делить на семь частей. Ни стражники бургомистра, один из которых по стечению обстоятельств считался её отцом, но совершенно не помнил, когда, как и главное – с кем это случилось, и в общем-то не пытался сие вспомнить. Ни сам бургомистр, который не далее как два дня назад самонадеянно заявил на собрании в ратуше, что-де Альхана отныне станет чистым городом, свободным от бродяг, беспризорников и всякого отребья.

Никто не вязал по случаю предстоящего рождения маленьких башмачков из пуховой шерсти, не расшивал алой тесьмой детское покрывальце и не подбирал имён в честь славных королей и королев минувших лет, или хотя бы в честь ближайших родственников.

Девочка всё-таки появилась на свет. Её так и прозвали: *она*. Только благодаря страху, что соседи донесут властям, мол, ребёнка-то нигде не видно, она не оказалась в море в первый же свой день рождения. Убийство есть убийство, даже новорождённого, даже в этой части мира, и власти отнюдь этого не одобряли. Штраф, взимаемый в городскую казну по такому случаю, платить было бы нечем, а идти на невольничий рынок совершенно не хотелось. Проклятый травник мог бы помочь, но *забесплатно* свидетельствовать об удушении ещё в утробе категорически не желал.

Итак, *она* родилась. Конечно, надо было в ближайшем будущем что-то с этим делать. А пока пришлось привычно обрезать пуповину, обтереть розовое, трепещущее тельце и закутать его в пару вонючих тряпок.

Удивительное дело: она не кричала. Она смотрела на мир широко распахнутыми от изумления изумрудно-зелёными глазами, моргала, морщила носик, беспорядочно перебирала ручками, но всё – молча.

Она не плакала, даже когда приходилось лежать голодной по несколько часов кряду. Кормили её только по случаю, когда от избытка молока в груди становилось больно, и надо было его куда-то девать. Почему бы и не в ребёнка, в конце-то концов?

– Повезло вам! – однажды заметила соседка, заходя во двор и переступая через лужу, в которой плавала рыба голова, облепленная мухами. – Красивая девчонка уродилась! Лет в десять отведёте в “Усладу путника”, всю семью будет кормить.

“А до десяти – с ней возиться, кормить и следить, чтобы не померла?” – невысказанное возражение повисло в воздухе.

Через месяц к ней уже попривыкли. Нет, её не окружали какие-то особенно злые и бездушные люди. Люди были вполне обычными, по крайней мере – для этой части мира. Просто она оказалась совершенно им не нужна. Потому-то ещё через два месяца, когда в городе объявился молодой заезжий чародей, девочку продали ему за четыре монеты серебром. Власти, получив ещё две монеты в качестве налога на сделку, не возражали.

Чародей посчитал, что провернул выгодное дельце. Изучать устройство тела по учебникам и старым, ломким по краям манускриптам – одно, а на настоящем человеке – совсем другое. В университете, в большом городе, недостатка в учебных пособиях не было, но чародей давно распрощался с большими городами и их университетами. Он предпочитал одиночество, и тропы познания выбирал для себя сам. Умение хорошо замечать следы позволяло ему особо не опасаться возмездия, ни со стороны коллег по магическому ремеслу, ни от обычных людей. Честно сказать, вероятность погибнуть от случайного укуса змеи где-нибудь в дороге сей магик

оценивал существенно выше, нежели шанс, что его разыщут и покарают безутешные родственники очередной жертвы. Тем более, последние объявлялись исчезающе редко: во многих уголках этого мира монеты обладали одинаково сильным утешающим действием.

– Что ж, приступим, – пробормотал он, откидывая со лба непослушную прядь чёрных волос.

День выдался удачный. Погода сулила крупный улов, и добрых три четверти мужского населения Альханы и половина женского вышли в море. Сквозь загаженное птицами окно гостевой комнаты лучшей в городе таверны пробивался солнечный свет. В его лучах скупо поблёскивали разложенные на рогоже инструменты.

Здесь же, рядом, лежала *она*. Водила взглядом вслед за руками чародея, делавшего последние приготовления. И молчала, как всегда.

– Итак, – чародей извлёк из сундучка и поставил рядом с инструментами бронзовую чашу, куда будет стекать кровь. – Во благо науки...

Он пробежался глазами по своим инструментам и выбрал короткий серебряный ланцет. Освежил в памяти, как полагается вскрывать грудную клетку. Примерился, взмахнул рукой и...

...В дверь постучали.

Чародей выругался: рука дёрнулась от неожиданности, и на коже младенца расцвёл алым неглубокий, но главное – неровный, незапланированный и потому бессмысленный порез.

– Кто там? – спросил он, накладывая одновременно исцеляющее заклятье.

Чародей очень не любил, когда что-то шло не по плану.

– Отворяй, подонок! – кто бы ни стоял по ту сторону двери, на благодарного посетителя, ищущего магической помощи, он не походил.

Для убедительности дверь сотряс мягкий, но внушительный удар. Девочка повернула голову к источнику звука. Удивительно, но она не плакала, ни от боли, ни от испуга.

Чародей между тем вздохнул и распахнул дверь заклинанием. Он уже примерно сообразил, кто там стоит.

– Ты обесчестил мою дочь, ублюдок! – вломившийся в комнату мужик яростно взмахнул длинным ножом, которым в обычный день, вероятно, разделывал рыбу.

– Предлагаю две монеты серебром, – спокойно проговорил чародей, пожав плечами. – За беспокойство.

– Четыре! – мужик как будто был готов к такому повороту событий.

Нож волшебным образом исчез за потрескавшимся от времени голенищем сапога.

– Три, – не сплеховал чародей.

Правила этой игры были ему прекрасно знакомы.

Расплатившись за поруганную честь, он вернулся к занятию, от которого его столь возмутительным образом оторвали.

– Сколько там той чести было! – брезгливо сплюнул чародей, откладывая в сторону досадно полегчавший кошель.

Девочка по-прежнему молча лежала на рогожке, с интересом водя за чародеем изумрудными глазами.

Мужчина обмакнул кисть в чернильницу и тушью провёл на тельце линию будущего разреза. Девочка заулыбалась: прикосновения кисти вызывали щекотку.

Снова блеснуло лезвие занесённого ножа, и снова кто-то вдруг постучался в дверь, на этот раз – деликатно, словно бы извиняясь.

Чародей замысловато выругался в адрес визитёра, не особо заботясь, слышат его или нет. В приступе ярости он запустил чернильницей в стену. Та глухо звякнула и отлетела под

кровать, выплеснувшаяся красивой волной тушь, понятно, осталась на стене. Получившееся пятно чем-то напоминало руну “Беар”, первую руну его имени.

– Господин Бередар! Нижайше прошу прощения, но за комнату Вы так и не расплатились... – заискивающе прозвучало с той стороны двери. – Велели зайти позже...

– Вот и зайди позже! – взревел чародей. – Я работаю!

Он в сердцах пнул табурет, стоявший рядом. Тот с громким стуком врезался в стену, взметнув облачко пыли. По коридору раздались торопливые удаляющиеся шаги трактирщика.

– Будь ты неладен! – “напутствовал” его Бередар.

Послышался вскрик и шум падения, будто кто-то оступился на лестнице. Чародей удовлетворённо кивнул и снова повернулся к младенцу.

– Продолжим, – вздохнул он почти грустно. – Мне надо исследовать, как устроен *живой* организм. Изнутри, понимаешь?

Девочка, разумеется, молчала. Только взгляд перевела на серебряный нож, приставленный к груди.

Бередар усилил давление на рукоять. Из-под лезвия заструилась кровь.

– Господин магистр! – послышалось из-за двери. – Срочное дело! Вам донесение!

Тот застонал.

– Сговорились вы все, что ли?

Нож в очередной раз был отложен в сторону, порез – на этот раз глубокий – снова затянулся под действием заклинания.

– Что стряслось? – неприязненно спросил Бередар, распахивая дверь.

– Письмо! – стоящий перед дверью мальчишка лет двенадцати протянул конверт, запечатанный большой сургучной пломбой.

– Подождать не могло? – хмыкнул чародей.

Мальчишка молча повернул конверт другой стороной. Бередар узнал руну, начертанную на пергаменте, и буквально вырвал письмо из рук.

– Молодец, – скупно похвалил он гонца. – Держи.

В воздухе блеснула серебряная монета. Мальчишка поклонился.

– Ответа ждать?

– Нет, – чародей, оттолкнув гонца, бесцеремонно захлопнул дверь прямо перед его носом, развернулся, взмахнув полами мантии, и зашагал в комнату.

Содержимое письма он примерно представлял, но всё-таки разломал печать и извлёк потрёпанный лист, покрытый рунами.

– Значит, они меня всё ж выследили, – пробормотал Бередар через минуту, комкая пергамент и швыряя его в очаг. – Хотел бы знать, как... И почему мне надо в Визенгерн¹!?

Он точными, экономными движениями сложил все свои инструменты в дорожный мешок, каждый – на своё место. Бросил взгляд на девочку... сорвал с себя мантию и укутал её.

– Возьму тебя с собой, – решил он. – Быть может, у тебя есть будущее. Своя судьба. Раз уж только за сегодня ты трижды разминулась со смертью.

Девочка молчала.

Чародей распахнул дверь и чуть не снёс мальчишку-гонца, который по-прежнему ожидал тут.

– Чего тебе ещё?

– Когда я шёл сюда, в конце улицы встретил двоих стражников. Они искали, в которой таверне остановился чародей. Лучше Вам выйти с чёрного хода.

¹ Столица Велленхэма. Здесь, ранее и далее повествование пересекается с событиями, персонажами и географией трилогии “Город Бессмертных”.

– Снова молодец, – кивнул Бередар, вручая пареньку ещё одну серебряную монету, поменьше.

– Визенгерн, да? Мне же никому не следует рассказывать, что я услышал? – мальчишка снова протянул руку.

– Никому, – подтвердил его догадку чародей, вонзая в грудь узкий стилет, невесть откуда взявшийся в ладони.

Мальчишка покачнулся, издав булькающий звук, и упал. На губах показалась кровь.

Бередар перетащил гонца в комнату, попутно обшарив карманы. Единственным найденным богатством оказались две серебряные монеты, которые он же недавно и передал пареньку. Теперь монеты вернулись к прежнему хозяину.

– Тебе-то деньги ни к чему уже, – пробормотал чародей.

Он тщательно запер дверь и двинулся по лестнице к чёрному ходу: идея улизнуть из таверны незаметно была весьма кстати.

Трёхмесячная девочка, укутанная в порядком истрёпанную походную мантию мага Ордена Огня, молчала.

Под ногами расстился изумрудно-зелёный ковёр из трав. Прогретый южным солнцем, он до одурения пах чабрецом, шалфеем и ещё невесть какими травами, терпкими и душистыми.

Бередар сидел на земле, прислонившись спиной к старому вязу, и мрачно, из-под опущенных век, наблюдал за ученицей.

– Точнее! Сосредоточься! Спину прямо! – звучали ворчливые наставления.

Лоб чародея был нахмуренным, в глазах застыло раздражение. Атакующие заклинания у девушки получалось из рук вон плохо. Из двух десятков растущих на поляне деревьев магической стрелой было обожжено только одно, и то – скорее случайно. Когда чары вдруг, по неизвестной причине, удались, несказанно изумились все: и наставник, и ученица, и даже сороки, сердито бранящиеся на бесцеремонных людишек из ветвей. Излишне говорить, что повторить удачный опыт не получилось.

– Я устала и есть хочу, – наконец выдохлась девушка.

– Еду надо заслужить, – назидательно поднял палец Бередар.

– Я так скоро с ног свалюсь! – запротестовала ученица.

Чародей махнул рукой, мол, ешь, но тут же снова нахмурился:

– Дерзкая стала! С наставником спорит. Надо было тебя тогда, ещё в младенчестве, извести, – он хмыкнул. – Во имя науки.

– Ну не извёл же, – ещё более ехидно ответила девушка, развязывая дорожный мешок и извлекая оттуда солидный шмат хлеба и варёное яйцо. – Жалей теперь.

– Жалею иногда, – подтвердил Бередар, пожав плечами, словно говоря: “ну, что уж теперь делать”.

Он покривил душой. Сначала, первые несколько дней, он и вправду не вполне понимал, отчего не только сохранил купленному за четыре монеты ребёнку жизнь, но и отказался от своих исследовательских планов. “Сегодня неохота”, – с удивлением, не раз ловил он мысль, хотя ленивым себя никогда не считал.

И откладывал удовлетворение своих научных интересов “на завтра”.

Но потом девочка просто очаровала Бередара своим поведением. Она никогда не кричала, даже если оставалась без еды на целые сутки. Не мешала ему спать, не отвлекала, когда он читал какие-нибудь мудрёные свитки. Не требовала к себе никакого внимания, кроме случаев, когда надо было поменять тряпки, но и в испачканном лежала совершенно тихо.

Чародей сам не заметил, как начал с ней разговаривать, словно... ну, словно с обычным ребёнком. Но то, что перед ним ребёнок как раз необычный, он осознал почти сразу. Видан-

ное ли для малышки дело – никогда, ни при каких обстоятельствах, голод ли, холод ли, – не плакать?!

А она не плакала. Молчала.

С тех пор прошло четырнадцать лет. И за все эти годы Бередар ни разу не пожалел, что сохранил девочке жизнь, что предпочёл таскать её всюду с собой, вместо того, чтобы отдать в приют в Визенгерне или любом другом городе, и что взялся обучать её основам чародейства, когда обнаружил в ней магический дар.

К изучению строения человеческого тела он, к слову, вовсе охладел. Сперва чародей с девочкой чудом выбрались из ловушки, расставленной на него коллегами по цеху в Визенгерне (их откровенно пугали “пути познания” Бередара, и было решено деликатно того устранить). Затем навалились рутинные дела, всё время занял поиск средств к существованию – магов далеко не везде встречали с распротёртыми объятиями (и с раскрытыми кошельками). За одну паршивую серебряную монетку приходилось порой работать несколько дней. Какие уж тут исследования...

А дар у девочки чародей обнаружил случайно. Лет десять назад они остановились в очередной грязной придорожной таверне, которых на трактах не счесть. Бередар помнил тот день, будто он случился вчера. Они обедали, точнее, выбирали из надколотых глиняных горшков наименее несъедобные куски, прочие выбрасывая на земляной пол. Вокруг сновали крысы. Чародей не обращал на это никакого внимания, пока одна, самая наглая серая зверюга, не шмыгнула прямо по столу, явно желая разделить с девочкой её обед.

До посуды она добежать не успела, упав замертво в паре футов. Бередар, хмыкнув, произнёс заклинание, позволяющее узнать причину смерти. Если крыса чем-то отравилась, это сулило им по меньшей мере долгие часы в нужнике. Могло стать и хуже: наиболее эффективные яды действовали не только на крыс, но и на людей.

Но крысу убила *магия*.

Бередар так удивился, что напрочь позабыл об обеде. Более везучие крысиные подружки не преминули этим воспользоваться и устроили себе роскошный пир, безнаказанно таская еду из его горшка.

Он мог бы поклясться, что не слышал и не чувствовал никакого убивающего заклятья. Да и кто бы мог его использовать? В обеденной зале они были одни: даже трактирщик, принеся еду, убрался куда-то хлопотать по хозяйству.

Единственный ответ, который напрашивался, был очевиден. Бередар задумчиво глядел на девочку, уплетавшую свой обед. Она, почувствовав интерес, оторвалась от своего занятия и понятливо кивнула:

– Не люблю крыс.

– Как ты это сделала? – ровным голосом спросил тогда чародей.

– Просто захотела, чтобы крыса сдохла.

Бередар и сам был из магов, умеющих творить чары, не размыкая губ. Но для этого искусства нужно как минимум знать заклинания. Просто произносить их не вслух, а в мыслях. Здесь же всё походило на прямое исполнение воли.

Воли *чародейки*?!

Он, удовлетворяя свою страсть к разного рода исследованиям, предложил девочке “просто захотеть”, чтобы посреди таверны вспыхнул огонь, разлилась вода, задул ветер или вздыбилась земля.

Всё безуспешно. Ни пламени, ни ливня под крышей, ни исполнения других желаний не случилось. Но трупик крысы безмолвно свидетельствовал: дело всё-таки в магии.

– Смотри, – Бередар понизил голос до заговорщицкого шепота.

На его ладони заплясал, роняя искры, синего цвета шарик.

– Хочешь так уметь?

И с тех пор их странствия наполнились занятиями и тренировками.

Увы, магической науке девочка обучалась нелегко. Что атакующие, что защитные чары худо-бедно удавались один раз из сотни. И причина тому крылась явно не в отсутствии трудолюбия: не однажды Бередар с удивлением замечал, как ученица просыпалась затемно и принималась за упражнения. Нет, здесь дело было в чём-то другом!

Между тем, убивать, отнимать чужую жизнь девочке удавалось влёгкую, вовсе безо всяких чар.

Внезапно в кустах, отвлекая чародея от воспоминаний, раздался громкий треск. Оттуда выскочила рыжая косуля. Не обращая внимания на людей, она стремительно пересекла поляну и исчезла с противоположного края, так же продравшись через кусты.

Тут же послышался звук охотничьего рога. На поляну въехал рыцарь, без шлема, но в доспехе, сопровождаемый двумя оруженосцами. Верно, основной работой у них было подносить чашу с вином: своё оружие, тугой тисовый лук, рыцарь прекрасно держал и сам.

Он остановил коня, не доезжая два шага до чародея.

– Кто таковы? – осведомился он, отхлебнув из чаши, заботливо поданной одним из сопровождающих, лет пятнадцати паренком в куртке из бычьей кожи.

– Странники, – пожал плечами Бередар, не вставая.

– Охота в моих лесах запрещена!

– Я разве сказал “охотники?” – повернулся чародей к ученице.

Рыцарь словно только сейчас заметил девушку. На его лице растянулось подобие улыбки, а глаза под чёрными густыми бровями маслянисто заблестели.

– Твоя? – указал он на ученицу чародея кивком головы.

Оруженосцы переглянулись.

– Моя, – кивнул Бередар. – Убей его, пожалуйста, – снова обратился он к девушке.

Рыцарь хотел выхватить стрелу из колчана, висевшего за спиной, но не успел. Вместо этого он соскользнул с лошади и грянулся оземь. Доспехи издали немелодичное дребезжание. Одна нога застряла в стремях, но освободить её мёртвый рыцарь уже не мог, и потому лежал так.

– Что за... – начал один из оруженосцев слегка дрожащим голосом, но Бередар перебил его:

– Конь ваш. Лук со стрелами – наш. Всё понятно?

– Но...

– Я сосчитаю до двадцати, – устало продолжил чародей. – Если вы ещё будете тут крутиться, то отправитесь следом за ним, – он взмахом руки указал на рыцаря.

Доблестных оруженосцев дважды просить не пришлось. Они уложились даже в половину отведённого времени.

– Надо было оставить и коня, – предложила ученица, когда парни скрылись за кустами.

– Я не люблю верхом, – вздохнул Бередар, поднимаясь на ноги.

– А стрелять из лука, значит, любишь?

Вместо ответа маг подхватил оружие, быстрым движением вложил стрелу и спустил тетиву. Стрела вонзилась в одно из деревьев и затрепетала.

– Когда-то неплохо получалось, – довольно потянулся Бередар. – Но этот лук – для тебя. Будешь учиться и этому искусству, раз уж чары тебе не даются.

– Зачем? – вопросительно подняла брови девушка. – Убиваю я неплохо, – она перевела взгляд на рыцаря.

– Кстати, почему его потребовалось убить?

Вопрос прозвучал совершенно буднично. Словно речь шла не о жизни человека, а о какой-то сущей ерунде.

– Поверь моему опыту, – чародей выдернул стрелу из ствола дерева и теперь с интересом изучал наконечник. – Он заинтересовался тобой, как женщиной.

– То есть, захотел со мной переспать? – понимающе кивнула ученица.

– “Переспать?” – усмехнулся Бередар. – Не-ет, просто оттрахать. А потом, возможно, прирезать, если он был достаточно знатным, чтобы заботиться о количестве бастардов.

Девушка нахмурилась.

– А почему убивать должна была я? Сам бы...

– По трём причинам, – чародей закинул дорожный мешок за спину и зашагал прочь, даже не оглядываясь.

Он знал, что ученица последует за ним.

– Первое: он угрожал твоей жизни, а не моей. Второе: я вообще-то попытался. Заклятье не сработало. Отсюда – третье: где-то он носил талисман, защищающий от чар.

– А я...

– А твоя магия – это несколько другое. Не чары, а воля. Когда-нибудь я разберусь, как это работает...

– Это навряд ли, – съехидничала девушка. – За столько лет-то не разобрался!

Бередар досадливо скривился. Действительно, в разгадывании сей тайны он преуспел не больше, чем... Чем его же ученица – в *обычной* магической науке.

Но обязательно про это всё время напоминать?!

Некоторое время они шагали молча. Девушка обдумывала произошедшее на поляне, а магистр... Для него этот случай был вполне рядовым. Ничего такого, о чём стоило бы размышлять долгими вечерами, глядя в пламя костра. Он давно сбился со счёта, скольких убил за свою жизнь. Одним больше, одним меньше...

– Надо было и этих двух... – нарушила тишину ученица.

Чародей одобрительно хмыкнул: всё-таки она достойна своего магистра.

– Взрослеешь. Умнеешь. Но оруженосцы не причинят нам вреда.

– Это почему?

– Если они начнут трепаться о том, что было, с них строго спросят, почему они живы, а их господин нет. Почему они не кинулись его защищать. Посему, если у них есть хоть капля ума на двоих... – Бередар не договорил.

Девушка снова помрачнела.

– А если нет?

– Значит, мы и впрямь совершили глупость, – отрезал чародей, тоже начиная испытывать тревогу.

“Действительно, что на меня нашло?! Не наладят ли по следу собак?” – озабоченно подумал он.

Горячее воображение уже рисовало ему приближающийся лай, стук копыт десятка конников, свист болтов, выпущенных из самострелов, и тонкострунное пение луков, отправляющих в полёт стрелу за стрелой. Бередар умел ставить магический щит, не позволяющий приблизиться какому угодно предмету, хоть живому, хоть нет, но щит неподвижный. Перемещать его в такт шагам чародей так и не научился, о чём много раз уже успел пожалеть.

Пение струн, впрочем, тут же раздалось. Но производил его не лук, а небольшая лютня, которую нёс не ратник, а обычный парень лет двадцати. Он вовсе не прятался, а открыто шёл по лесной тропинке и наигрывал незамысловатую песенку. Ветер слегка растрепал его длинные светлые волосы. Взгляд изумрудно-зелёных, почти таких же, как у девушки, глаз был ясным и открытым, а улыбка – обезоруживающе-честной.

Бередар сосчитал до десяти, восстанавливая дыхание, малость сбившееся от, чего греха таить, испуга. Он мог поклясться, что впереди не было никакого встречного путника – и вот он, пожалуйста, идёт себе, скоро поравняются.

Юноша тоже их как будто только заметил.

– Хорошего дня вам, странники! – воскликнул он, прекратив играть. – Я вас тут давно жду!

– Нас?! – в два голоса удивились чародей и его ученица.

– Вас-вас! – подтвердил юноша, жизнерадостно кивая. – Это же вы порешили господина Жераля нынче утром? Ну, того, что выехал поохотиться с двумя слугами, но наткнулся на вас.

– А... – начала девушка, однако Бередар резко оборвал её:

– Замолкни. Не знаем, о чём ты говоришь! – он нагло посмотрел парню прямо в лицо.

И сразу пожалел об этом. Встретив спокойный взгляд пронзительных изумрудов, он вдруг осознал: этот странный юноша знает о нём, Бередаре, всё. Прошлое, настоящее и, пожалуй, будущее, начиная от рождения и заканчивая смертью.

А осознав – испугался пуще прежнего.

– Не надо бояться, – успокаивающе проговорил юноша. – Не такой уж я страшный, в конце-то концов.

– Кто ты? – чародею не понравился собственный голос, но унять в нём дрожь не удалось.

Боялся, несмотря на полученный только что совет. Девушка с удивлением взглянула на наставника. Таким она его не видела, почитай, что почти никогда.

– У меня много имён, – был ответ. – И все они не имеют никакого значения, ни для меня, ни для вас. Но вот, что важно: у тебя, – юноша кивнул ученице чародея, – мой дар.

– Дар? – ахнула девушка.

– Способность вершить чары одной лишь волей, без заклинаний, – пояснил парень.

– Я могу только убивать, – негромко проговорила ученица.

– Не только, – мягко возразил юноша, прислоняясь к растущей тут же берёзе. – Но время узнать свою силу ещё не пришло.

– Да? А для чего пришло? – с долей ехидства спросила девушка.

В отличие от Бередара, она встреченного путника, кем бы он ни был, отчего-то не боялась.

– Для прощания с наставником, – совершенно серьёзно ответил тот. – Ты уже не ученица. И отсюда ты пойдёшь одна.

– И что меня принудит оставить её? – хмуро поинтересовался Бередар, несмотря на страх, который его не отпускал.

– Я.

Светловолосый взмахнул рукой, и перед глазами девушки всё завертелось. Она зажмурилась, буквально на секунду, чтобы унять так некстати возникшее головокружение. Но тем больше оказалось её удивление, когда она вновь открыла глаза. Ни Бередара, ни странного юноши с пронзительным изумрудным взглядом, ни леса вокруг не было.

Девушка обнаружила себя стоящей посреди рыночной площади в большом городе. Городе, который она видела впервые в жизни.

– Смотри, куда прёшь! – раздалось у неё над ухом.

Девушка едва успела отпрянуть, чтобы не оказаться под копытами невысокой мохнатой лошади, везущей телегу. Из-под рогожи, закрывавшей поклажу, торчали пучки зелени.

Она хотела обиженно возразить, что сама-то вовсе стояла неподвижно, и это торговец чуть на неё не наехал, но воз уже её миновал. Можно было только выругаться вслед, что девушка и сделала, использовав некоторые из словечек Бередара. Их значения она не особо понимала, но по ситуациям, когда их использовал чародей в чей-то адрес, догадывалась, что звучат вовсе не похвалы или пожелания доброго дня.

Несмотря на гвалт, царящий на площади, торговец с телеги услышал. И, наверное, понял. По крайней мере, он остановил лошадь, соскочил с воза и вырос возле девушки так быстро, что та не успела даже ахнуть.

– Как ты меня назвала? – прорычал он, нависая над чародейкой на добрых два фута, ухватив её за руку. – А ну, повтори!

Девушка повторила, хоть и не до конца была уверена, стоит ли. Но раз просят...

Её левую щёку обожгла затрещина. В голове зазвенело. За одной оплеухой тут же последовала другая. Из разбитой губы заструилась кровь.

– Дрянь! Мерзавка! Паскуда! – ревел торговец, сопровождая каждый выкрик новым ударом.

Девушка пыталась вывернуться, но мужик держал её крепко.

– Что здесь происходит? – раздался вдруг громкий, властный голос.

Торговец замер на полузамахе.

– Я жду ответа!

Чародейка открыла глаза и увидела, что голос принадлежал темноволосому мужчине лет двадцати пяти – тридцати, одетому в лёгкие доспехи. На поясе болтался короткий меч или длинный кинжал, – девушка не очень в этом разбиралась.

Всё лицо мужчины по диагонали перечёркивал шрам.

Торговец был явно старше. Тем не менее, он согнулся в поклоне, чуть не коснувшись рукой земли.

– Да вот, ваша милость... учу уму-разуму тут... – пробормотал он заискивающе.

– Отвечай. За что. Ты. Бьёшь. Девчонку. – чеканя каждое слово, повторил мужчина со шрамом.

Даже чародейка поняла, что в третий раз задавать свой вопрос тот не станет.

– Да она!.. Такое про меня! – торговец, наконец, разогнулся. – Вслух, господин советник, при всём честном народе! – он негромко произнёс несколько ругательств, которыми был недавно награждён.

– Это – правда? – нахмурил брови советник.

Девушка покаянно кивнула, размазав ладонью кровь по лицу.

– И про городские власти то же говорила, про *самого* бургомистра, господина Данмера! – понизил голос до заговорщицкого шёпота торговец, и тут же осёкся.

– Ложь! – отчаянно выкрикнула чародейка. – Он лжёт!

– Мне всё ясно, – кивнул мужчина со шрамом. – За свой язык она уже наказана. Надеюсь, – он метнул на девушку тяжёлый взгляд, – ты это запомнишь.

Торговец приосанился.

– За попытку обмана, – продолжил советник, – назначаю тебе штраф, десять монет серебром.

– Вот так! – торжествующе заключил торговец и вдруг, осознав, вскрикнул: – Мне? Штраф? За что?!

– За попытку обмана, – повторил мужчина в доспехах. – Ты посмел обвинить девчонку перед моим лицом в том, чего она не делала. Не говорила, – быстро поправился он.

– Говорила! – проявил упорство торговец. – Господин Алдар, как есть, говорила!

– Двадцать монет, – кивнул советник. – Ты попытался обмануть меня *дважды*.

Торговец, поняв, что каждое сказанное им слово обходится весьма дорого, молча кивнул.

– Оплатить до заката, – советник Алдар одобрительно ухмыльнулся, оценив так вовремя проснувшуюся у торговца понятливость.

Из-за шрама улыбка вышла довольно жуткой.

– Пойдём, – он крепко взял девушку за руку и зашагал к северному краю рыночной площади.

– Куда мы?

– Увидишь.

Шёл Алдар размашисто, чародейка за ним едва успевала. Иногда ей казалось, что перебирать ногами вовсе не обязательно. Достаточно поджать их – и она, увлекаемая силой советника, будет просто лететь за ним следом, точно воздушный змей на верёвочке.

Вырваться и убежать? Сил не хватит. Прикончить этого... советника? Это-то удастся, но что потом?! Куда идти, где искать Бередара? Город определённо незнакомый!

Она не могла знать наверняка, но чувствовала, что странный светловолосый путник, встреченный ими сегодня в лесу, забросил её куда-нибудь за тысячу лиг от чародея, единственного её защитника и наставника в одном лице.

И вот что теперь делать?..

Торговля на площади была в самом разгаре. Купцы и ремесленники во всю глотку расхваливали свои товары. Из загона со скотом доносилось мычание и блеяние. Советник с чародейкой миновали конный ряд, где, красуясь друг перед другом, гарцевали несколько жеребцов. Перекрывая эти звуки, над площадью раздавались частые удары кузнечного молота. Самого кузнеца чародейка не видела, но работа у того явно кипела.

– Ты ведёшь меня в темницу? – рискнула спросить чародейка. – Чтобы наказать?

Советник на ходу обернулся.

– Ты уже наказана, – хмыкнул он, обозревая заплывшие глаза, разбитый нос и лопнувшие губы. – Странно, что не ревёшь. Сильно болит?

– Болит, – подтвердила девушка грустно. – Сильно. Но я никогда не реву.

– Вот даже как? – со смешком переспросил Алдар. – Ценное качество для чьей-то будущей жены. Ну да ладно... Пришли!

Он остановился перед прямоугольной, некогда белой, а сейчас – серой палаткой и рывком распахнул полог.

– Занято! – возмущённо завопил посетитель, полулежавший на утлой, шатающейся скамейке, прикрытой соломенной подстилкой. – Занято! Я оплатил!

Над ним, голым, склонилась высокая женщина в белой мантии с длинными, почти до пояса, льняного цвета волосами. Когда в палатку вошёл советник с девушкой, она разогнулась и вопросительно уставилась на непрошенных гостей.

– Твои чирьи подождут, – отмахнулся Алдар от недовольных стенаний. – Шатти, полегчишь её? – советник подтолкнул спутницу к женщине в белом. – Били по лицу, надо бы побыстрому, а то шрамы останутся...

Он машинально потёр ладонью собственный шрам.

– Легко, – женщина согласно кивнула. – Одна... нет, пожалуй, две монеты серебром.

– У меня нет денег, – прошептала чародейка. – Я пойду...

– Шатти, – вздохнул советник, удерживая девушку за плечо. – Ты городской налог исправно платишь?

– Плачу, не придерёшься, – рассмеялась целительница. – Так и быть, за одну серебряшку... И не называй меня Шатти! – вдруг нахмурилась она. – Мне не нравится...

– А разрешение на этот шатёр имеется, госпожа Шаттнаара? – прервал её Алдар, произнеся это нарочито официальным тоном.

Женщина молча указала на приколотый к стене палатки булавкой лист пергамента с большой сургучной печатью.

– Что ж, не вышло. Держи, – пожал плечами советник, вынимая из кармана монету.

– Не стоит из-за меня... – пробормотала девушка, но советник покачал головой.

– Даю в долг.

– *Yerrha equillia!* – пропела женщина в белом исцеляющее заклинание.

Боль немного утихла. Ссадины затянулись, не оставив следов. Девушка потянулась пощупать лицо и тут же схлопотала по рукам от целительницы.

– Не лажь! Успеешь ещё. *Yerrha equillia!*

Зеркал в палатке не было, но чародейка могла поклясться, что стало ещё чуть лучше. Лицо как будто слегка выправилось от вмятин: так медник, легонько постукивая молотком, придаёт идеальную форму кувшину.

– А теперь можно?

– Нет. *Yerrha equillia!* Великий Создатель, тебя что, дубиной лупили?

– Руками... – вздохнула девушка.

– Оборвать бы эти руки, – проворчала женщина в белом, усаживаясь на край скамьи и смахивая пот со лба. – Ну вот кто посмел такую милую девочку ударить?

– Ундар, зеленщик, – ответил советник. – Потому что “милая девочка” обругала его такими словами, что и я не всякий раз произношу.

Но в глазах целительницы это не выглядело оправданием.

– Ну и обругал бы её в ответ. Тоже поди умеет! Руки распускать-то зачем?

Шаттнаара добавила к сказанному ещё несколько слов, аккуратно из тех, за которые поплатилась чародейка, адресовав их Ундару и его родственникам, преимущественно – по женской линии. Девушка, несмотря на боль, хихикнула.

– Наверное, в жизни ты будешь часто получать по шее, – заметил Алдар негромко. – Кто ты? Где обитаешь? Я не видел тебя раньше, а Гатвин не такой уж большой.

Чародейка потупилась.

– Я тут... случайно, – тщательно подбирая слова, проговорила она. – Прибыла утром.

– ...И уже нарвалась на неприятности, – подытожил советник. – Ты бродяжничаешь?

– Я... да, – решила чародейка.

– Попрошайничаешь? – нахмурился Алдар.

Девушка вздохнула.

– Бывает, – словно через силу “призналась” она, хотя на самом деле никогда этим не занималась: золото и серебро им добывал исключительно Бередар.

– Так не годится, – решил советник. – В Гатвине не приветствуют попрошаек. Да и ты, со своим острым языком на улицах долго не проживёшь, – он задумчиво оглядел девушку. – Пойдёшь ко мне работать по хозяйству?

Чародейка удивлённо подняла взгляд.

– Это как?

– Это – готовить еду и убирать дом, – пояснил Алдар.

– А...

– Больше – ничего, – опередил её советник. – Жить можешь там же, комната тебе найдётся. Еды хватит – можешь есть всё, что приготовишь, только про меня не забывай, – он усмехнулся. – Жалование... ну, скажем, одна серебряшка в неделю.

Чародейка поморгала, собираясь с мыслями и малость сомневаясь насчёт предложения работы.

Страшновато! Она ведь совсем не знает этого Алдара! Но, если отказываться, то надо бы сделать это поделикатнее... Он, вроде бы, человек-то неплохой, вон, заплатил за её лечение, хотя уж конечно не обязан. А может... согласиться? Где-то ведь работать всё одно придётся. Уж лучше так?

Сложно решать!

Но у Шаттнаары таких сложностей не возникло:

– Совсем рехнулся, Алдар? Она же девчонка! Как ей жить с тобой в одном доме? Ты чем думаешь вообще, головой или... – целительница не договорила, но ткнула пальцем, вполне однозначно указав, какой именно орган она отнесла к мыслительным.

Тот сперва нахмурился, а потом рассмеялся.

– Ах, вон оно что... Не беспокойся. Если бы я хотел... Тьфу, ну и гадости же у тебя на уме! Слушай, – обернулся он к чародейке. – Я женским вниманием не обижен, и это – взрослые, зрелые, сочные женщины. Ты меня в этом смысле не интересуешь, так что бояться нечего.

– Дурень, – хмыкнула Шаттнаара. – Бояться надо не тебя, а слухов. Как она потом мужа найдёт, если каждый в городе будет знать, что это – “та, которая у Алдара”...

– Я согласна! – перебила её чародейка, приняв решение. – Замуж в ближайшее время не собираюсь, – пояснила она нахмурившейся целительнице. – А кусок хлеба где-то надо брать. Ты, – девушка повернулась к Алдару, – вроде человек хороший, я тебя не боюсь. Мне надо называть тебя “господин?”

В конце-то концов, десятка дорог с кровом и пищей перед ней не стелилось. Признаться честно, выбор был весьма невелик: воровать еду и искать Бередара или...

...Или устроиться в безопасном месте и ждать, когда Бередар найдёт её.

– Зови, как хочешь, – отмахнулся советник. – Лишь бы дома всегда ужин был. Ты кухарить-то умеешь?

– Мой... – чародейка запнулась на мгновение, – ...спутник не жаловался.

– Спутник? И где же он? – насторожился Алдар.

Девушка вздохнула.

– Хотела б я знать...

– Ну и ладно. Как, ты говорила, тебя зовут?

– Я не говорила, – покачала головой чародейка. – Зови, как хочешь.

“Потому что имени у меня нет. Я – неназванная...”

Дом Алдара стоял на Кузнечной площади, буквально в десяти минутах неспешной ходьбы от городской ратуши. Он оказался раза в два, а то и в три меньше, чем ожидала чародейка.

“Это – хорошо, – подумалось ей. – Меньше убираться”.

Девушка не боялась никакой работы по дому, и неважно, сколько той работы предстояло сделать. Но она хотела иметь хотя бы один свободный час для тренировок: упражнения и заклинания, показанные Бередаром, она, вроде бы, помнила.

Ничего, со временем начнёт получаться!

После осмотра дома ей стало понятно, что времени будет предостаточно. Жилище Алдара оказалось типичным домом холостяка. Три комнаты на первом этаже и две на втором были закрыты, верно, с момента, как советник здесь поселился. Убирать там было абсолютно нечего. Ещё одно помещение наверху оказалось хозяйской опочивальней, но и в ней царил образцовый порядок.

Гостиная и кухня располагались на первом этаже. Они, напротив, были настолько грязными и неубранными, насколько только возможно. Особенно кухня! Всюду громоздились чугунки с остатками похлёбки и каши, а невымытым тарелкам вовсе не было счёта. Наверняка здесь водились крысы: еды им было вдоволь.

Советник проснулся и убежал по делам с первыми лучами солнца, не позавтракав. Чародейка мысленно сделала пометку, что надо что-то готовить с вечера: негоже, чтобы мужчина уходил работать на голодный желудок. Ей никто никогда такой “премудрости”, понятно, не сообщал, но это казалось вполне очевидным.

Наскоро перехватив пару ложек недоваренной и пересоленной крупы (назвать это “кашей” – означало бы сильно приукрасить) из наименее грязного чугунка, девушка принялась за работу. Она на совесть отмыла всю имеющуюся в кухне посуду и полы. Затем хотела приняться и за стены, но вовремя сообразила, что эдак Алдар останется не только без завтрака, но ещё и без ужина.

Облазив все кладовые, чародейка со вздохом поняла, что, если ей хочется приготовить что-то повкуснее пшённой каши пополам с маленькими коричневыми жучками, облюбовавшими мешок с крупой, то придётся идти на рынок. Возвращаться туда после полученных от Ундара оплеух совсем не хотелось, но что делать?

Чародейку Рыночная площадь встретила шумом. В центре рассерженно, точно осиное гнездо, гудела толпа. Девушка подобралась поближе и увидела, что люди окружают двух мальчишек в оборванной одежде. У одного был разбит нос, из которого капала кровь, у другого уже почти целиком заплыл правый глаз.

Девушка нахмурилась, вспоминая уроки Бередара по целительству. Как и все прочие, эти чары удавались ей из рук вон плохо. Но, судя по всему, мальчишкам можно было рассчитывать только на неё: остальные собравшиеся вовсе не выказывали желания привести в помощь настоящего мага-целителя или хотя бы простого травника.

“А почему, интересно?” – задумалась чародейка и решила сперва прислушаться, о чём говорят вокруг.

– Давно напрашивались, паршивцы! – прошамкала оказавшаяся рядом старуха в переднике, из карманов которого торчали сахарные петушки на палочках. – Столько горя принесли людям! Наконец-то поймали!

– А чем мальчишки провинились, бабушка? – решила спросить чародейка.

Торговка сладостями хрипло рассмеялась.

– “Мальчишки?” Да чтоб им пусто было, этим “мальчишкам!” Ворюги они! Таскают кошельки у честных людей. Никого не жалеют, увидят какого растяпу – и обкрадут в момент. А у того, может, последняя монета оставалась... Уух! – погрозила она ссохшимся костлявым кулачком. – Теперь воздастся по заслугам. Вздёрнут, как пить дать!

Девушка нахмурилась:

– Из-за *каких-то денег?*

– Именно! – повернулся к ней мужчина в одежде кузнеца.

В одной руке он сжимал молоток.

– Они обобрали Хелу! А у той четверо детей!

– И Дайку-молочницу! – припомнила старуха.

– А прошлой зимой – моего брата, Тивара, дочиста! Так он с горя напился в долг, свалился в сугроб прямо у таверны и замёрз насмерть.

Чародейка попятилась, сражённая аргументами.

– Может всё-таки послать за советником? – осторожно предложил кто-то из толпы, и девушка схватилась за эту мысль.

– Я служу у господина Алдара! Сейчас приведу его! – звонко выкрикнула она.

– Обожди, девка, – обстоятельно пробасил ещё один горожанин.

От него шёл хлебный дух.

“Наверное, пекарь”, – решила чародейка.

– Обожди, говорю. Сами разберёмся.

Один из мальчишек вдруг кинулся девушке в ноги.

– Приведи советника, добрая душа! – взмолился он, но тут же был отброшен пинками назад. – Нас тут убью-у-ут!

Вопль сменился стоном: кузнец со злостью швырнул молоток и попал пареньку в голову. Из рассечённого виска заструилась кровь.

– Вот тебе советник, облюбок! – прошипел мужик. – За Тивара!

Это стало спусковым механизмом для всей толпы. Люди набросились на двух мальчишек с кулаками, дубинами, клинками, – кто с чем придётся. Воришки почти одновременно отчаянно закричали, но крик быстро перешёл в хрипы. Им сломали рёбра.

– Пощади... – прошептал один из мальчишек и упал, распластавшись.

На губах выступила кровавая пена.

– Да что же вы делаете? – взвизгнула чародейка.

Она ворвалась в круг беснующихся горожан, не особо заботясь, что ей перепадёт часть ударов. Так и случилось, но на её счастье, эти тумаки оказались несильными.

Девушка попыталась закрыть мальчишек собой, но её схватили и отбросили прочь чьи-то сильные руки.

“Да стойте же!” – хотела выкрикнуть она, но вдруг обнаружила, что не может вдохнуть.

Один из горожан всё-таки изловчился (или наоборот, случайно промахнулся, метя по воришкам) и ударил её ногой в живот.

Чародейка перевернулась на спину, мелко-мелко хватая ртом холодный воздух, точно рыба, выброшенная ветром на берег. А пареньков тем временем продолжали осыпать ударами. Их стоны звучали всё тише.

Наконец они замолкли. Два тела, больше напоминавшие теперь тряпичные куклы, остались лежать в луже из крови, нечистот и коровьего навоза: за полчаса до поимки воришек здесь перегоняли стадо. Переломанные кости, прорвав кожу и одежду, торчали в разные стороны.

– Зови теперь своего Алдара, – мрачно проговорил кузнец. – Только мы ему скажем, что парни подрались и сами друг друга поубивали. Верно?

Толпа одобрительно загудела.

– По-твоему это выглядит похоже? – чародейка в ярости обвела рукой трупы.

– По-моему, советник скажет нам спасибо, – хмыкнул кузнец. – Одной заботой ему меньше. Ну, давай, беги за ним! Скажи, что на рынке забили насмерть братьев Фейп. Увидишь, он от радости в ладоши хлопает.

Девушка задумалась. Многих порядков, принятых в городах, она не понимала. Воровство, конечно, должно быть наказано. Заставить выполнять грязную работу, чистить сточные канавы, выпороть, наконец. Но убивать?!

Она решила всё же разыскать Алдара и известить его о случившемся.

– Смотри, куда прёшь! – раздался недовольный рык.

Чародейка обернулась, уже догадываясь, кого увидит. Зеленщик Ундар тоже узнал её.

– Опять ты, сволота, под ногами путаешься!

Девушка зажмурилась, ожидая оплеухи, но Ундар просто отшвырнул её в грязь и двинулся дальше.

Прошёл он шагов десять.

Вокруг упавшего тела кто-то заохал, но многие просто обходили труп по краешку, и шли дальше по своим делам.

Ундара никто не любил.

Чародейка аккуратно, бочком, чтобы никто не заметил практически бегства, протиснулась сквозь людской поток, и, непроизвольно ускоряя шаг, направилась в ратушу.

“Бередар ведь говорил, нельзя делать это на людях! – укорила она себя мысленно. – А если кто сообразит, что это ты натворила”?!

Девушка уже достаточно тесно познакомилась с местными нравам, и легко представила себя на месте братьев Фейт, или как их там звали. С переломанными рёбрами, в луже крови и с одобрительными шепотками горожан над трупом: “Магичка-убийца, поделом ей”.

Она припустила бегом.

В ратуше было полно народу. Пузатый стражник сперва не хотел пускать чародейку, мол, мала ещё, чтобы обращаться к городским властям. Но услышав, что она работает на советника, споро отодвинулся с прохода и даже почтительно склонил голову.

Алдара девушка нашла на втором этаже в большой зале. Он стоял, окружённый двумя десятками горожан, и вид у него был устало-удручённый. Горожане говорили все одновременно, и громкое эхо разносило по комнате отголоски жалоб.

– А он и говорит, мол, его бык мою тёлку оприходовал, и требует пять монет или телёнка. А я его об том просил, что ли?

– Сплетни распускает, вот настоящие сплетни и лжу! Видеть не видела я ейного мужа, чай свой имеется, не хуже! А туда же, вся улица знает, что-де якобы спала с ейным, да не с ним одним!

– Сроду никого не обманывал! Мои амулеты как есть колдовские, заговорены аж в самом Визенгерне, в тамошней башне магов.

– Да брешешь же, собака! Нет там никакой башни, там токмо верситет имеется, академия то есть ихняя! – расслышала в общем гомоне чародейка. – Говорил, что амулет деньгу приворожит, а какая денга? Убыток один, тьфу!

– Ах ты свинопас, в бороду плеваться при советнике? Да я тебя!..

Наметившуюся потасовку моментально пресекли стражники, стоявшие у входа в залу. Пресекли быстро и весьма эффективно, огрев каждого из спорщиков дровком копья по загривку. Не в полную силу, но чувствительно, чтобы выбить из голов хотя бы малую толику глупости и задора.

– Господин советник! – подала голос девушка, не особо рассчитывая, что её услышат. – Алдар!

– В очередь, малявка, – беззлобно урезонила её тётка в колушке, та, что доказывала свою непричастность к адюльтеру. – Мы тут все к господину советнику.

Но Алдар услышал. И несказанно обрадовался.

– Прошу извинить, государственное дело! Нарочный прибыл!

Он ужом вывернулся из смыкавшегося всё теснее кольца жалобщиков и жалобщиц, ухватил девушку за плечо и шепнул:

– Пойдём отсюда скорее! Сделай вид, что у тебя какое-нибудь известие.

– Но у меня и вправду известие, – кивнула та, выходя из залы следом за советником. – На Рыночной площади произошло убийство.

– Кого убили? – посерьёзней Алдар и вмиг стал каким-то особенно *напряжённым*.

– Братьев Фейт.

– А... Фейп, – поправил советник, столь же быстро успокаиваясь. – Не скажу, что меня это огорчило.

Чародейка удивлённо подняла брови.

– Но они – совсем мальчишки! Были...

– Они принесли честным людям немало бед, – пожал плечами Алдар, спускаясь по лестнице. – По-твоему, малый возраст может извинить вора? Грабителя? Убийцу?

Девушка шагала следом и потому не видела выражения лица советника. А очень хотелось бы взглянуть! Почему он заговорил про убийц? Неужели уже что-то знает про её... способности?

– В общем, спасибо, что сообщила, я отправлю туда пару человек. Но ничего такого, о чём стоило бы особо волноваться, не произошло. В Гатвине не жалуют воров!

Чародейка остановилась.

– А сколько надо украсть, чтобы твоё убийство сочли не особо волнительным событием? Алдар тоже резко стал и рывком развернулся к девушке.

– Ты когда-нибудь воровала? – ответил он вопросом на вопрос.

– Конечно! – легко созналась та. – Пока мы бродили с моим спутником, то и дело воровала! То горшок с молоком с крестьянского двора, то кусок окорока из очага в таверне.

– И ни разу не попадало за это?

Чародейка промолчала. Однажды её поймал трактирщик и до крови отстегал вишнёвым прутом. Бередар не возражал и не вступился, посчитав наказание справедливым. Как он объяснил потом – не за то, что решила своровать, а за то, что застукали за этим.

Было больно, и она потом целую неделю вспоминала об этом всякий раз, как садилась. Но желание убить трактирщика не возникло. Верно, тоже решила, что поделом. В следующий раз будет осмотрительнее!

– Попадало, – с удовлетворением кивнул Алдар, без труда читая эмоции на лице девушки. – Надеюсь, тебя это отучило воровать.

“Это – вряд ли, – подумала чародейка. – Розга, ерунда какая! А вот сегодняшние события на рынке – пожалуй, отучат...”

– Послушай, – вздохнул советник, уловив и этот настрой. – Воровать – плохо. Каждый поступок имеет последствия. Вот твой горшок с молоком. Что, если молоко предназначалось для младенца? Который остался голодным и так от этого кричал, что расшвирипевшая нянька придушила его рушником?

– Я... поняла, – девушка покаянно вздохнула.

“Где ж ты видел крестьян с няньками, балда?” – добавила она мысленно.

– Молодец! – Алдар, довольный своими педагогическими успехами, одобрительно похлопал чародейку по плечу. – Что у нас на ужин?

Та покраснела и смутилась, теперь – вполне искренне. За всеми этими событиями она совершенно забыла свою цель похода на Рыночную площадь.

Советник понимающе кивнул и достал пару монет.

– Возьми какого-нибудь мяса и овощей, и приготовь по своему вкусу. Справишься?

– Конечно! – девушка засияла от радости, схватила монеты и убежала.

Алдар с сомнением посмотрел ей вслед. Чрезмерно бурный энтузиазм, выказанный чародейкой насчёт ужина, вызывал лёгкое чувство тревоги. С другой стороны, это – всего лишь приготовление пищи. Что может пойти не так?!

Ужин бесспорно удался. Тушёная свинина с пряными травами в глиняных горшочках и рассыпчатая картошка, сдобренная сливочным маслом, оказались настолько вкусными, что советник несколько раз прикусил язык, пытаясь ухватить куски больше, чем следовало бы.

– Где ты училась готовить? – с восторгом поинтересовался он, когда с едой было покончено.

– Нигде, – пожала плечами чародейка. – Так, подслушала пару фраз в тавернах, когда повара спорили.

– Удачно подслушала! – Алдар с довольным вздохом откинулся на спинку стула.

Он бы с радостью наполнил миску снова, но съесть что-нибудь ещё было просто физически невозможно.

– Даже не припомню, когда у меня был столь вкусный стол. Спасибо!

– Не за что. Ты ведь мне за это платишь, – усмехнулась девушка. – Кстати, когда у нас день выдачи жалования? Я хотела купить себе одну книгу, но денег не хватило.

– Умеешь читать? – неподдельно удивился советник.

– Умею, – помедлив секунду, призналась чародейка.

“Не ляпнула ли я чего лишнего?” – подумала она.

– Тебя научил твой спутник? – продолжил расспросы Алдар.

“Эх, язык мой длинный”... – тоскливо вздохнула девушка.

Конечно же, в мыслях. Вслух – ответила:

– Да. Он был травником, – постаралась она предвосхитить следующий вопрос. – Пытался сделать травницу и из меня.

– И удалось? – у советника проснулся неподдельный интерес к прошлому чародейки.

Та почувствовала это и поняла, что, если разговор будет продолжаться, то рано или поздно её поймают на лжи.

– Ну, что-то получается... Кстати, я хотела купить книгу по травам на сэкономленные деньги.

– Сэкономленные?!

– Угу, – девушка кивнула. – Я не платила за мясо.

Уловка удалась: Алдар вмиг забыл, о каких ещё фактах биографии хотел её расспросить.

– Украла?! – слегка охрипшим голосом уточнил он на всякий случай: вдруг ослышался.

– Ага, – жизнерадостно кивнула чародейка. – Не волнуйся, ни один младенец при этом не умер от голода. А толстый мясник ничего не заметил, я была осторожна.

Советник помрачнел.

– Ты будешь наказана, – всё ещё хрипло проговорил он. – Пока не знаю, как, но...

– Выпорешь меня? – спокойно предложила девушка.

Алдар покачал головой.

– Нет, конечно. Бить тебя я не стану. Лучше так: своё первое и второе жалование ты отнесёшь в лавку мяснику.

Теперь помрачнела чародейка.

– Но тогда я не смогу купить нужную книгу ещё месяц.

– Именно так, – подтвердил советник, вставая из-за стола.

Настроение было испорчено.

– Ну и пожалуйста, – раздражённо бросила девушка. – Завтра на ужин каша. И послезавтра. Твоя любимая, которая с жучками.

– Как-нибудь переживу, не впервой, – в тон ей ответил Алдар и ушёл в спальню.

Чародейка осталась одна.

“Лучше б выпорол, – пожалала плечами она, принимаясь за мытьё посуды. – Зато книгу б уже на следующей неделе купила!”

Фолиант с впечатляющим названием “Боевые чары. Практика” стоял на золочёной подставке, украшенной алым бархатом, в витрине книжной лавки. Он прочно завладел вниманием девушки, когда та бродила по рынку в поисках хорошего мяса.

Издание было роскошным: переплёт из бычьей кожи с бронзовыми уголками и застёжками. (“Какое счастье, что не из золота! – подумала она тогда. – Иначе всю жизнь бы ради книги работать пришлось”). Но даже без драгоценных металлов в оформлении труд по магической науке стоил недёшево: две серебряные монеты.

Многие горожане, проходя мимо витрины с этой книгой и ценником, недоумённо крутили пальцем у виска: какому сумасшедшему захочется выложить две серебрушки за стопку пергамента со странными закорючками? Это же не еда, и не оружие, и даже не садовая лопата – от той не в пример больше пользы.

А немногочисленные маги, по случаю бывавшие в Гатвине, две монеты серебром могли бы выложить запросто. Но книгой они не интересовались, потому как понимали: ценность написанного не велика. Автор едва ли сам окончил университет, а текст изобилует ошибками, как фактическими, так и грамматическими. Переплёт был роскошным, это правда, но... лучше бы он продавался отдельно.

Всего этого девушка знать, понятно, не могла. Фолиант стал чуть ли не первой её материальной мечтой. По крайней мере, она не могла припомнить, чтобы хоть когда-то *так сильно* желала завладеть вещью.

Вдвойне обидно, что мечта была вполне достижима. Нужно всего-то немного заработать! Чародейка сегодня уже представляла, как после второго жалования зайвится в книжную лавку и, торжественно выложив монеты на прилавок, попросит том с витрины. И вот, выходит, что это случится не так уж скоро...

А втройне обидно, что никаких “сэкономленных” денег у неё не было. За мясо она честно расплатилась, прекрасно понимая, что укради кусок – и неприятности возникнут не только

у неё, но и у Алдара. Этого девушке не хотелось. История про “воровство” была призвана отвлечь советника от неудобных расспросов, и только лишь.

“Ну что ж, замысел удался”, – недовольно думала она, яростно надраивая в лохани чугунок из-под мяса.

Ни в чём не повинная посуда скоро уже должна была засиять, точно шлемы королевской стражи в Стеррене. Неожиданно девушка услышала звук разбитого окна и обернулась.

Кухня в доме Алдара располагалась на первом этаже. Советник всё собирался заказать кузнецу чугунную решётку на окно, и всё откладывал. Этим и воспользовались двое грабителей. Первый перемахнул через подоконник быстро, словно тень. Второй слегка замешкался, но чародейка успела испугаться и первого.

“Убивать нельзя! – пронеслось у неё в голове. – Как я объясню, откуда труп? А что тогда делать?!”

Спокойствия вовсе не добавлял тот факт, что первый грабитель держал взведённый и нацеленный на неё карманный самострел. Эта публика давно по достоинству оценила хитроумное изобретение румхирских гномов. Оружие обладало невеликой убойной силой, зато, благодаря небольшим размерам, легко пряталось под плащом. Убить из такого с первого выстрела надо ещё постараться, но отбить всякую охоту сопротивляться – вполне можно.

Чародейка и не сопротивлялась. Грабитель с самострелом приложил палец к губам и подмигнул девушке. Та, поняв, кивнула.

– Хозяева дома? – сиплым шёпотом поинтересовался второй.

– Ага, – так же тихо ответила чародейка. – Старая госпожа взяла наверх большую бутылку с вином и не велела беспокоить.

– Слышал? Старуха, – хихикнул первый. – А дом не бедный. Удачно зашли! А где у хозяйки лежит золото?

– Откуда ж мне знать, – пожалла плечами девушка. – Наверное, при ней.

Она неожиданно поняла, что такая хитрость может не облегчить задачу советнику, а напротив, дорого ему обойтись, и неподдельно расстроилась. Теперь грабитель наверняка проникнет в спальню, и хорошо, если Алдар ещё не спит! А если уже?

“Хоть бы он остался жив, если завяжется драка”, – подумалось ей.

Она вдруг с удивлением осознала, что волнуется за советника. Новое чувство: доселе ей ещё ни разу не доводилось всерьёз беспокоиться за другого человека.

– Пойду пощупаю, – решил второй. – Ты посторожи девчонку, чтобы за стражей не побежала.

– Посторожу, – легко согласился грабитель с самострелом. – И позабавлюсь.

Второй смерил пленницу оценивающим взглядом.

– Брось, мелкая она ещё. Лет четырнадцать.

– Так это – самая вкуснотища и есть! – мужик отложил оружие на край стола и потёр руки. – Пойди сюда!

Чародейка молча подошла. Грабитель секунду глядел на неё, а затем запустил руки ей под рубаху.

Девушка от неожиданности пискнула.

– Будешь шуметь – сверну шею, как цыплёнку, – просипел мужчина. – А потом всё равно трахну! Сымай одежду!

Его штаны из простой холстины встопорщились чуть ниже пояса.

Чародейка, поняв, что деваться некуда, пожелала насильнику смерти. Её воля, как обычно, исполнилась незамедлительно. Грабитель с тихим стоном сполз на пол и замер.

Подельник этого не видел и не слышал. Он, деликатно притворив дверь кухни, чтобы дать приятелю поразвлечься без помех, уже поднимался, крадучись, по лестнице на второй этаж.

“Надо что-то придумать!”

Девушка торопливо заозиралась в поисках способа скрыть труп. Затем в голову ей пришла идея получше.

Через пару минут дверь рывком распахнулась, и в кухню влетел Алдар, в одном исподнем, сжимая окровавленный кинжал. Он кинулся к грабителю, но тут же затормозил, поняв, что здесь всё обошлось и без него.

Незванный гость лежал возле самой печи, лицом вниз. Под ним медленно расплывалась лужа крови. Советник пинком перевернул труп и увидел, что чуть ниже груди в нём торчит длинный нож для разделки мяса.

– Как ты ухитрилась... – начал Алдар, но девушка его перебила, воскликнув:

– Он сам! Схватил нож, кинулся на меня, но поскользнулся и упал.

Алдар скептически изогнул бровь.

– И прямо на нож?

Чародейка развела руками, мол, бывает же такое!

Советник сделал вид, что поверил. Наверняка эта девчонка сама ткнула грабителя ножом. Повезло, что сразу попала куда надо. Хотя, может и знала, куда метить. Небось во время бродяжничества и не такому научат. И уж конечно попыталась представить дело так, будто ни причём. Ну и ладно! Вдвойне повезло, что ей не прилетело в ответ.

У Алдара был большой опыт в разборе таких случаев. Назвать Гатвин спокойным городом, где подобное происшествие – сенсация, о которой будут вспоминать несколько лет, никто бы не решился. Советник даже не сомневался, что картину случившегося вообразил более-менее точно.

Вот только предположить, что в деле замешана магия, не мог.

– Иди спать, – мягко произнёс он. – Я сам тут приберу.

Соврала девчонка или нет, а вечер выдался беспокойный. Пусть отдохнёт.

Чародейка удивлённо подняла взгляд на Алдара. Что, никакого наказания за то, что она убила человека, испачкала полкухни кровью, а главное – попала на этом, не будет?

По всему выходило, что нет.

– Доброй ночи, – негромко ответила она и развернулась, чтобы уйти к себе.

Но вслед прозвучал ещё один вопрос.

– Как зовут-то тебя, скажешь, может? Называть всё время “девчонкой” как-то не с руки.

Чародейка вышла, не обернувшись.

Никак. Она – неназванная.

Утро выдалось туманным. С серого, бездонного неба то и дело срывались капли дождя. В ветвях наклонившейся вербы, росшей возле дома Алдара, недовольно нахохлившись, сидели вымокшие птицы.

Чародейка выскользнула из дома почти сразу вслед за советником. Направлялась она, понятно, не в ратушу. Ноги несли её к книжной лавке.

Где у Алдара хранятся деньги, она подсмотрела ещё раньше. Взять оттуда две монеты было проще, чем отобрать леденец у ребёнка. Замков не было ни на двери спальни советника, ни на самом сундучке с золотом и серебром.

Девушка ощутила мимолётный укол совести: раз нет запоров – значит, Алдар ей доверяет.

Что ж. Больше, пожалуй, не станет.

“Это – если заметит”, – поправила себя чародейка, на цыпочках выходя из спальни хозяина дома.

Она знала, что Алдар ушёл, и дома никого нет, но всё равно не смогла побороть в себе инстинктивное желание проделать всё как можно тише и незаметнее.

“Не пересчитывает же он монеты каждый вечер! – попыталась успокоить себя маленькая воровка, надевая выдавший виды плащ. – А я потом подложу их обратно, из жалованья.”

Немногочисленные в ранний час прохожие оборачивались вслед. Вовсе не для того, чтобы одарить улыбкой или сердечным напутствием. Девушка так торопилась, что ступала не глядя, и брызги воды и грязи щедро орошали встречных горожан. Поэтому вслед чародейке звучали исключительно ругательства.

“На глаз совершенно незаметно, что монет стало меньше, – продолжала убеждать себя она. – А даже если и заметит, то что ж... Пусть выпорет, заслужила. Лишь бы книгу не нашёл!”

Место для покупки она уже присмотрела. На кухне, возле печи, несколько досок пола было подогнано неплотно. Если в щель просунуть металлический прут, которым перемешивают угли, и как следует надавить, то доска должна приподняться. Отличный тайник!

“Только бы Алдар не расстроился, обнаружив пропажу! – вздохнула девушка. – Может, лучше самой признаться?”

Почему-то ей очень не хотелось огорчать советника. Но жажда обладать трудом по практической магии была сильнее.

“Нет, нельзя! – осадил себя чародейка. – Он спросит тогда, где деньги. Поди и догадается. Хватило ж ума ляпнуть вчера про книги!”

Лавка была ещё закрыта. Даже в урочный час здесь бывало мало покупателей: духовная пища интересовали жителей Гатвина отнюдь не в первую очередь. А уж в такую рань... Но девушка не отчаялась. Она изо всех сил забарабанила по дубовой двери, готовясь выслушать поток брани и убедить купца открыться раньше времени.

Но опасения были напрасными. Хозяин лавки, уразумев, что юная посетительница хочет приобрести книгу, рассыпался в поклонах и извинениях неведомо за что.

Домой чародейка возвращалась окрылённой. Она снова будет изучать магию! Может, это будет не столь интересно, как у Бередара, но всё ж намного лучше, чем вообще никак. А тот, кстати, не спешил объявляться! Может, она вообще на другом краю мира, и обычным шагом сюда идти год, а то и боле? Или... что, если Бередар и не принимался за поиски?

А чего ж? Он всегда стремился к одиночеству, и, быть может, даже порадовался, что судьба избавила его от девчонки!

Раздумывая обо всём этом, по сторонам она девчонка смотрела ещё реже, чем на пути в лавку. Поэтому не было ничего удивительного в том, что заблудилась.

Сперва чародейка решила, что сейчас окажется на какой-нибудь из знакомых улиц. Вот прямо за первым же поворотом, за тем жёлто-серым двухэтажным домом с балконом, опасно нависающим над мостовой, будет привычная Рыночная площадь!

Ну или за вторым...

Когда счёт этим поворотам перевалил за десяток, девушка поняла, что без помощи верную дорогу не найдёт, и начала оглядываться в поисках знатока местности.

Таковых не наблюдалось. Дома в этой части Гатвина были уже не каменные, с балконами, а сложенные из глины, перемешанной с травой и, судя по запаху, навозом. По крайней мере, эта идея могла объяснить, почему отовсюду несёт такая вонь.

Чародейка по своей воле ни за что не пошла бы в этот район. Но ноги решили за неё сами. Как теперь отсюда выбираться, она понятия не имела. Единственное, в чём девушка была уверена, она не пересекала крепостную стену, опоясывавшую Гатвин.

Вспомнив это, чародейка приободрилась: город есть город. Не пропадёт!

“Пропала!” – обречённо подумала она через пару минут.

– Потерялась, крошка? – развязно поинтересовался здоровый, почти вдвое выше её детина, подходя поближе.

От него пахло потом и чем-то ещё, что чародейке напомнило о мукомольне.

Следом, оживлённо переговариваясь, подтянулись ещё трое таких же.

– Я не хочу вас убивать, – прошептала девушка, пятясь назад. – Оставьте меня!

Сказанное вызвало у тех приступ безудержного веселья.

– Слыхали? Она нас не убьёт! – сгибаясь пополам от смеха, простонал детина.

Остальные поддержали его дружным гоготом.

– А ну, поди сюда! – ставший вдруг серьёзным, мужлан схватил чародейку за руку и притянул к себе.

– Пусти! – девушка попыталась вырваться, но силы были неравны.

Он впился губами в её губы. Зло, агрессивно. Она поняла, что поцелуем дело не закончится, и, мысленно вздохнув, пожелала, чтобы этот детина умер.

Ничего не произошло.

Он облапал её, проник под рубаху, запустил руку в исподнее. Чародейка вскрикнула.

– Можешь кричать, – “милостиво” разрешил мужлан. – Меня это заводит.

Девушка снова и снова желала ему смерти, но, как и в первый раз, безрезультатно.

Её затащили в какую-то халупу и надругались. Все четверо. Чародейка вырывалась, кричала, пыталась ударить или хотя бы укусить, но не удавалось. Пока один насиловал, другие крепко держали её руки и голову. За каждую попытку сопротивления били кулаком по зубам, разбивая лицо в кровь.

Наконец, последний, покончив с грязным делом, сомкнул свои ладони на горле девушки. Та захрипела.

– Зачем, Зорот? – лениво полюбопытствовал один. – Это ж бродяжка. Кому какое дело...

– Заткнись! – рыкнул на него душивший. – Так надёжнее. Не хочу висеть из-за какого-то перепихона.

Чародейка обмякла.

– Готова, – заметил ещё один насильник. – Пошли уже!

Подбадривая друг друга шутками и дружескими тычками, мерзавцы вышли из халупы. Девушка, перемазанная кровью, осталась лежать.

Через несколько минут она осторожно пошевелилась. Всё тело болело, особенно внутри. “Почему я ещё жива?” – подумалось ей.

Она прекрасно помнила всё, что с ней делали. Как насиловали. Как душили. Как сжали, точно тисками, горло, как отчаянно хотелось вдохнуть, как в груди разгоралось пламя, а в глазах ширилась тьма, и как по капле из неё выдавливали жизнь. Не закончили, хотя оставалось совсем чуть-чуть.

Повезло?!

Девушка кое-как обтёрла лицо грязным рукавом рубахи и, прихрамывая и держась за стену, чтобы не упасть, выбралась из дома. Куда идти, она по-прежнему не знала.

– Великий Создатель, что с тобой?! И что ты тут забыла?

Чародейка обернулась на знакомый голос.

– Госпожа... Шатти? – прошептала она.

Длинное имя целительницы из палатки на Рыночной площади она, конечно, не вспомнила.

– Шатти я могу быть для твоего хозяина. А для тебя – госпожа Шаттнаара, – строго отозвалась та, но тут же озабоченно охнула:

– Да на тебе кровь! Ты ранена?

Девушка молча помотала головой.

– Ладно, разберёмся. *Yerrha equillia!*

Боль в теле приутихла. Боль в душе лишь разгорелась ещё сильнее и ярче.

– Спасибо, госпожа Шаттнаара, – так же тихо проговорила чародейка. – Но у меня нету денег, чтобы заплатить, так что не надо больше...

– Помолчи, – цыкнула на неё женщина. – На кой тебя вообще понесло в это место? *Yerrha equillia!*

Стало ещё чуть легче.

– Заблудилась... – прошептала девушка.

Она бы очень хотела сейчас заплакать, залиться слезами, кричать, реветь в голос! Но... не могла.

Не умела.

– Так, – целительница ещё раз внимательно её осмотрела с ног до головы. – Пойдём.

Чародейка покорно зашагала за Шаттнаарой, не спрашивая, куда они идут, и почему женщина решила о ней позаботиться.

Ей было всё равно.

Шли недолго. Свернув пару раз в кривые переулки, они оказались перед домиком, окружённым деревянным забором. На калитке углём было написано: “Стучать громко!!!”

Шаттнаара стучать не стала вовсе. Она просто просунула пальцы в щель, подняв задвижку, открыла калитку и завела девушку во дворик. Несмотря на полное душевное опустошение, чародейка сумела удивиться: всё пространство двора было заставлено кадками, ящиками и другими ёмкостями с землёй. В них росли травы. Самые разные: светло-зелёные, тёмно-зелёные, почти коричневые, с жёлтыми цветочками, красными, синими, вовсе без цветов. Под стеной лежали пучки уже вырванных трав, рядом – накопанные корни, аккуратно разложенные по кучкам.

– Здесь живёт травник, у которого я покупаю кой-чего, – пояснила целительница, снимая с двери здоровый амбарный замок. – Проходи в дом.

– Но хозяин...

– Хозяина дома нет, – отмахнулась Шаттнаара. – Заходи, говорю!

Чародейка, опасливо озираясь, шагнула через порог. Домик внутри казался совсем крошечным, отчасти – потому что был заставлен коробами и мешками с травами чуть ли не до потолка, отчасти – потому, что действительно был невелик.

Аккуратно преодолев целебные баррикады, девушка добралась до кровати и присела на край.

– Не садись, – покачала головой Шаттнаара. – Раздевайся. Полностью!

Чародейка мелко задрожала, хотя и на улице, и в доме было тепло.

– За... зачем? – испугано спросила она.

– Посмотрю на тебя, – вздохнула целительница. – Почему ты в крови, я уже поняла. Исправлю, что смогу.

– Я в порядке, – попыталась отговориться девушка, но Шаттнаара непреклонно возразила:

– Вижу, в каком ты “порядке”. Раздевайся!

Чародейка начала снимать одежду. Пальцы слушались плохо: у неё ушло несколько минут на одну рубаху.

– Ложись, – кивнула целительница на кровать. – И доверься мне уже!

Она начала петь какое-то заклинание. Девушка не дослушала его до конца. Вымотавшись морально и физически, а может – под действием магической формулы, она уснула. Обнажённая, в чужой постели, в незнакомом доме, но почему-то в полной уверенности, что всё будет хорошо.

Доверилась.

Проснулась она оттого, что в нос ударил пряный запах трав.

– Выпей, – предложила Шаттнаара, протягивая плошку с отваром.

Девушка послушно отхлебнула и закашлялась. На вкус варево было неприятным.

– А ты думала, свежего молока налью? – усмехнулась целительница. – Впрочем, можно и молока...

– Вы очень добры ко мне, госпожа Шаттнаара, – проговорила чародейка. – Спасибо!

Она прислушалась к ощущениям. Ничего не болело, не саднило и, самое удивительное, не тревожило. На душе было спокойно.

Что с ней произошло, она прекрасно помнила, но почему-то это перестало её сильно заботить. Словно бы это случилось давно, и может даже не с ней.

– Чем я могу отблагодарить Вас?

– Отблагодарить... – целительница задумалась. – Отблагодари меня *правдой*. Идёт?

Чародейка понятиливо кивнула.

Будет спрашивать, чего уж тут непонятного...

– Ты – магичка, – Шаттнаара усмехнулась. – Я почти сразу догадалась. Но саму себя не лечила. А ведь это – первое, чему учат!

– Я не училась в школе магов. Ни в какой, – девушка привстала на локтях и допила отвар. Распробовала. На вкус он был не столь плох, как сперва показалось.

– Но хоть что-то ты умеешь? – проницательно посмотрела на чародейку Шаттнаара.

Та вздохнула и... неожиданно начала рассказывать целительнице всё. *Вообще всё*. Не утаивая и не скрывая ни единого факта своей незамысловатой биографии.

Рассказывала честно, не привирая и не приукрашивая.

Шаттнаара слушала внимательно, не перебивая и не задавая вопросов. На таганке в очаге закипела новая порция отвара из целебных трав, зашипела и стала выплёскиваться прямо в огонь. Но это никого не заинтересовало.

Девушка рассказывала.

Целительница слушала.

– Как тебя зовут? – неожиданно спросила она, когда чародейка замолчала.

– Никак, – пожала плечами та. – Я неназванная.

– Пфф! Так не годится, – неожиданно возмутилась Шаттнаара, как будто вопрос имени был самым важным. – Я буду звать тебя Кайя.

– Кайя... – попробовала девушка новое слово на вкус. – А что это значит?

– Подрастёшь – узнаешь, – улыбнулась целительница. – Второе: тебе надо учиться.

– Читать я умею... – начала чародейка, и вдруг охнула: – Книга!

– Книга? – эхом переспросила Шаттнаара, не понимая, в чём дело.

– Я купила труд по магии в лавке на рынке, – грустно вздохнула девушка. – “Боевые чары. Практика”. А когда эти... – она попыталась подобрать слово, но на ум приходили только такие, за которые Ундар надавал ей оплеух, – ...в общем, они ещё и книгу украли, – закончила она.

Шаттнаара рассмеялась.

– Вот уж горе – не беда! *Эта* книга не стоит пергамента, на котором написана!

– Такая бесполезная?

– Даже вредная, – кивнула целительница. – Давай поступим вот как: приходи ко мне дважды... нет, трижды в неделю. Буду тебя учить.

– Боевым чарам? – у девушки от восторга загорелись глаза.

Шаттнаара снова развеселилась.

– Боевым? Ишь ты! Посмотрим. Но целительству тебя однозначно надо обучить. Ты же – ходячая приманка всяких неприятностей. В Гатвине всего несколько дней, а уже дважды потребовалось заклинание Йерры. А ведь город, как по мне, достаточно тихий...

– Да уж, – хмыкнула девушка.

Ей снова вспомнились насильники. И снова – без малейших переживаний: было и было. И осталось в прошлом.

– Сколько их было? – осторожно поинтересовалась целительница. – Двое? Трое?

– Четверо, – почти безразлично пожала плечами чародейка.

– Я залечила раны, на теле и в душе, – Шаттнаара внимательно всматривалась в лицо девушки, но не заметила никаких тревожных признаков. – Но, сама понимаешь, кое-что я поправить не в силах. Надеюсь, ты встретишь достойного мужчину, для которого это большого значения не имеет, – добавила она.

– Не нужны мне никакие мужчины, – проворчала чародейка.

Шаттнаара закатила глаза.

– Скажи мне это через семь... да нет, даже через пять лет. У тебя к тому времени уже, поди, дети появятся.

– Дети?! – неподдельно удивилась девушка.

– Ну, да. Такие, знаешь, маленькие люди, – ехидно ответила целительница.

Она принялась деловито сновать по маленькой комнатке, укладывая в небольшой мешок пучки разных трав. На крошечном столе заблестела серебряная монета, оставленная в уплату.

– Если тебе окончательно полегчало, может, пойдём? Алдар, наверное, злится, а может и волнуется: человек он неплохой, заботливый... по-своему.

Чародейка нахмурилась:

– С чего бы ему волноваться?

– Ну, он не видел тебя с позавчера, – Шаттнаара затянула на мешке тесёмки.

– Что-о?!

– Ты проспала почти два дня, – целительница отворила дверь. – Харвен, хозяин домика, приходил, но я его выпроводила. Всё равно кровать была занята, – она усмехнулась.

Девушка залилась краской:

– Неудобно-то как...

– Удобно, – отрезала Шаттнаара. – Я рассчитаюсь, если что. Хотя если у него язык повернётся о цене ночлега... Я и так немало плачу за его солону.

– А зачем... – начала чародейка, но целительница, поняв с полуслова, сразу ответила:

– Лучшего здесь не найти. Идём уже!

Они вышли со двора. Шаттнаара небрежно защёлкнула задвижку на калитке и уверенно зашагала в глубину лабиринта переулков. Девушка едва поспевала следом.

– Как Вы узнаете, куда идти, – вздохнула она. – Я заблудилась почти сразу же.

Целительница, не сбавляя шага, пересекла большую лужу. Вода пополам с грязью летела во все стороны, но Шаттнаару это ничуть не волновало.

– Я тут выросла.

– А... – девушка хотела спросить, сколько той лет, но не успела.

Навстречу шла знакомая четвёрка. Двое парней горланили похабную песенку, двое вяло переругивались.

– Это – они, – бесцветным голосом проговорила чародейка.

Шаттнаара сразу поняла, о чем речь, и сразу же отреагировала. Польшнуло красным, и один из парней рухнул, в мгновение ока обгорев, местами до костей.

Реакция у мерзавцев была отменная: они юркнули в первый переулок так слаженно, будто долго этому тренировались. (А может, так оно и было, убежать от стражи им приходилось не раз). Вторая огненная стрела, пущенная Шаттнаарой, уже ни в кого не попала.

Женщина выругалась.

– Ну, а ты чего не атаковала?

– Я пыталась, – понурилась Кайя. – Не вышло. Может, эта моя способность... закончилась?

Шаттнаара, хмыкнув, подняла из-под ног камень и швырнула его в кстати подвернувшуюся помойную яму, шагах в десяти.

Из ямы, возмущённо пища, врассыпную бросилось несколько крыс.

– Пробуй, – коротко скомандовала целительница.

Одна из крыс, которая, на беду, выбрала себе дорогу в сторону людей, тут же упала замертво.

– Получилось, – без надобности констатировала девушка.

– Значит, причина в другом, – задумчиво протянула Шаттнаара. – Эх, тебе бы в такое место, где много сведущих магов. В университет Визенгерна, к примеру. Там-то быстро бы растолковали, что к чему.

Она свернула в боковой переулочек, потянув спутницу за собой. Полуобгоревший труп остался лежать позади.

На радость тем же крысам.

– А Вы там учились? – полюбопытствовала девушка.

– О, да, – взгляд целительницы подёрнулся пеленой воспоминаний. – Как нас там гоняли! Лекции, практика... Мы ночами не спали, зарывались в книги с головой и учили, учили... Прийти на урок к Коршуну с невызубренным заклинанием – это было немыслимо, лучше сразу в пыточную! Коршун – это прозвище нашего наставника, магистра Сандара, – пояснила Шаттнаара, но девушку заинтересовало другое:

– Вас там... пытали?

Целительница рассмеялась.

– Нет, конечно. Мы так прозвали Комнату Наказаний в подвале. За плохой ответ полагалась порка. Мальчишкам – суровая, девчонкам – послабее, но всё равно, знаешь ли, не подарок.

– Я не хочу в этот университет, – твёрдо заявила Кайя.

– Что, боишься розги? – насмешливо спросила целительница.

– Нет, – помотала головой девушка. – Боюсь, что начну убивать всех наставников, которые отправляют учеников в эту вашу Комнату Наказаний.

Прозвучало достаточно буднично и правдиво. Шаттнаара удивлённо замолкла и принялась гадать, не делает ли она ошибку, взявшись за обучение юной чародейки с такими опасными способностями.

Остаток пути прошли молча. В дверях алдарового дома стоял, собственно, сам советник, и взгляд у него был недобрый.

– Где тебя носило два дня?! – напустился он на девушку. – Всыпать бы тебе, как следует!

– Замолкни, Алдар, – просто сказала целительница. – Девчонка едва жива осталась. А всё из-за тебя!

– Из-за меня-а?! – неподдельно удивился советник. – Это почему же?!

– Развёл в городе насильников и убийц, – припечатала Шаттнаара. – Куда смотрит твоя стража?!

Советник, ошеломлённый таким напором, даже попятился.

– Заходите, обе. Расскажите, что стряслось.

– Ага, – ехидно усмехнулась целительница. – Бегу со всех ног. А девчонка, если захочет, как-нибудь расскажет... Не смей её наказывать. Узнаю, что ударил, – руки отсохнут, ты меня знаешь! Кайя, завтра жду тебя в своей палатке, – добавила она и зашагала прочь.

– Кайя? – озадаченно переспросил Алдар, не обращая особого внимания на угрозу.

Ему, случалось, угрожали люди, малость пострашнее целительницы. Некоторые из них даже пытались воплотить сказанное в жизнь. От одного такого у Алдара осталось напоминание, наискось пересекавшее лицо.

– Меня так зовут, – девушка подняла взгляд на советника.

– Заходи, – он посторонился, пропуская чародейку внутрь. – И не бойся, я не собирался тебя наказывать. Просто... тревожился, что ты влипла в неприятности.

– Я и влипла, – вздохнула Кайя. – Если бы не госпожа Шаттнаара... Можно мне погреть воды? Хочу искупаться, – пояснила она. – Потом всё тебе расскажу.

Дома было хорошо, в стократ лучше, чем в хатке травника. И пусть дом был не её. Но здесь, к немалому удивлению девушки, за неё *беспокоились*. Значит, она не безразлична. Значит, кому-то нужна... ну, хотя бы, чтобы ужин приготовить. Бедняга советник, поди, за эти два дня снова перешёл на кашу с жучками...

Здесь у неё был не просто свой угол, а целая комната! Она не особо представляла, как живут девушки в богатых семьях, но как перебивается беднота – насмотрелась вдосталь, во время странствий с Бередаром.

О *своей* комнате там могли лишь мечтать. Как правило, всё семейство – а это от пяти до десяти человек – ютилось в одном помещении. Здесь была и кухня (и хорошо, если в ней было, что приготовить!), и спальня, и кладовая – опять же, если было, что в ней хранить.

Чего уж там, для девушки было в сказочную диковинку, что в её доме есть специальное помещение, где можно помыться. И уж совсем невероятно – для этого можно нагреть столько воды, что хватит заполнить огромную деревянную кадку, и израсходовать на это дело кучу дров.

Она погрузилась в тёплую воду почти до носа и сидела в ней, пока та не остыла.

– Принести тебе халат? – послышался из-за двери голос Алдара.

Кайя поразмыслила немного и согласилась:

– Если не трудно...

Дверь тут же отворилась, и рука советника закинула в щель обещанную одежду.

– Он мужской, – извиняющимся тоном проговорил Алдар, не заглядывая в ванную. –

Но чистый!

– Ты же говорил, что в доме бывают женщины, – припомнила Кайя с ехидцей. – Как там... Сочные, зрелые, спелые! Уж для них-то можно было обзавестись одеждой!

– Будешь умничать, и эту заберу, – огрызнулся Алдар, но тут же с удивлением понял, что ему нравится, что девчонка его дразнит.

Послышался плеск: чародейка выбиралась из бадьи. Сообразив, что вычёрпывать воду придётся примерно столько же, сколько потребовалось её носить, она приуныла, но лишь на мгновение. Ванна того стоила!

Зайдя в залу, девушка с удивлением обнаружила, что на дубовом столе стоит обед. И вовсе не каша, а вполне пристойно сваренная картошка. Рядом лежало кольцо колбасы.

– Поешь, – предложил Алдар. – А потом расскажешь, что стряслось.

Но рассказ пришлось отложить. Чародейка начала клевать носом прямо над тарелкой: тёплая ванна и сытная еда сделали своё дело. Когда выходявший по делам советник вернулся в залу, то обнаружил девушку спящей.

Вздыхнув, Алдар взял Кайю на руки и отнёс в её комнату, на кровать. Прodelал он это аккуратно: девушка почти не проснулась.

Устроив чародейку на отдых, советник отправился на рынок. От Кайи или от Шаттнаары, но он твёрдо вознамерился узнать, что за история приключилась с девчонкой.

Целительница плеснула в бокал недорогого вина и с лёгким поклоном головы вручила его Алдару. Сама села напротив и неожиданно рассмеялась:

– Кайя ничего не рассказала, и ты пришёл за ответами ко мне.

Это был даже не вопрос. Советник помрачнел:

– Она пообещала рассказать, но уснула. А мне надо знать...

– Её поймали четверо ублюдков и надругались, – не дала целительница договорить. –

Вот и вся история. Одного я наказала. Надеюсь, его уже растащили бродячие собаки, а крысы dokonчили дело. Запах жареного мяса должен был их привлечь, – добавила она безразлично. – Тебе остались трое.

Алдар откинулся на спинку скамьи и отхлебнул из бокала. Эти игры он знал, и, чего уж там, любил в них играть. Докопаться до истины, идти по следу, поймать преступника и жестоко его покарать, – в этом и состояла *лучшая* часть его работы городского советника по спокойствию и миру в Гатвине (так витиевато называлась его официальная должность).

С миром худо-бедно получалось, со спокойствием – не очень. То и дело в Гатвине грабили, реже – насильничали и убивали. Бытовым происшествием, наподобие дерзкой кражи соседского гуся, советник вовсе не уделял внимания: не до того, пусть сами разбираются.

– Знаешь их? Где это случилось? – коротко спросил он.

– В Варварских закоулках, – целительница взяла себе такой же бокал, но наполнила его до краёв. – Того, что мне подвернулся, звали Задук². Я знавала его отца. Редкостный хам и грубиян, но дальше похабных слов и предложений никогда не заходил.

– Значит, и остальных найду там же, – поднялся Алдар. – Дело будет несложное.

– Их трое, – предупредительно напомнила целительница, но советник беспечно похлопал себя по ножнам, висевшим на поясе.

– Что там по-твоему? Писчее перо?

– Ну, удачи, – пожала плечами Шаттнаара. – Если что, приходи, подлатаю. Держи вот...

Целительница протянула советнику мелкую монетку. Тот машинально взял её, а затем нахмурился:

– Зачем?

– Будешь шататься по грязным кабакам, выискивая следы подонков, выпей за моё дело, – рассмеялась Шаттнаара, обводя палатку рукой. – А то что-то прибыли маловато.

В Варварских закоулках всё было по-прежнему. Лужи, грязь, зловонные помойные ямы и покосившиеся глиняные лачуги со вчерашнего дня никуда не делись.

“Эх, снести бы все эти свинарники! – подумал Алдар, перепрыгивая через очередную канаву. – А то и огнём...”

Он знал, что градоправитель Данмер, большой ценитель истории, нипочём не даст добро на это дело. На взгляд советника, в этой хаотичной застройке, рассаднике вшей, крыс, бродяг, грабителей и убийц, не было ничего исторического. Но... разломать – проще всего. Кто придёт сюда строиться? Да и то сказать: куда деваться живущим здесь? Не все они – отбросы. Кому-то просто не повезло, а кто-то не считает, что добротный возведённый дом – это важно. Кого-то и лачуга устраивает.

В конце концов, это место давало Гатвину и хороших людей. Шаттнаара, к примеру, родом аккурат отсюда.

Советник уже придумал план действий. Оставалось найти нужного человека. Поиски вышли непродолжительными: человек этот сидел прямо на земле, перед своим домом, в доску пьяный, и старательно пытался открыть дверь.

Получалось плохо. Пальцы не слушались, а проклятый замок оказывался каждый раз в новом месте.

– Помочь? – сочувственно предложил Алдар, присев рядом на корточки.

Человек смерил его мутным взглядом и выдавил:

– Пппомоги... те.

Советник отобрал у пьянчуги ключ и вставил в замочную скважину.

– Ссс... Спасибо! По... помощнички! – человек сделал неуклюжую попытку облобызать Алдара, но тот брезгливо отстранился.

Вокруг уже всюду распространился спиртной дух.

– Скажи, Гавер, ты уже слышал, что случилось с Задукком? – поинтересовался советник, придерживая собеседника за плечо.

² Zaduk – “Барсук” (варварское наречие, “Бесстыжее Слово”).

Человек, названный Гавером, согласно закивал.

– Ка... конечно! Бедный мальчик! – пьяно всхлипнул он.

– Да! – подхватил Алдар, мигом угадав настроение. – Ужасное убийство, верно? Я ищу, кто это сделал. Где его друзья? Они в опасности!

– И-и-и... – протянул Гавер. – И-и-и!

Советник весь подобрался, ожидая, что пьянчуга назовёт место, но тот, совладав, наконец, с непослушным языком, заключил:

– Ищщи! Ты – наша защита!

После чего снова полез обниматься.

– Гавер, – устало произнёс Алдар. – Где они обычно собирались? Мне надо взять их под охрану.

– У Хряка, – неожиданно, почти без запинки ответил пьянчуга. – Там все наши зака... звука... закоулки завсегда собираются!

– Где это?

– Прямо и два поворота налево, – Гавер, потратив остатки сил на столь сложную беседу, решил устроиться поспать прямо на своём месте, где сидел.

Желания попасть в собственный дом он больше не испытывал.

Советник, нимало не беспокоясь о Гавере (ночи стояли тёплые, чай, не замёрзнет), встал и зашагал прочь.

–...и-и-или направо, – услышал он вслед и выругался.

Впрочем, это его не расстроило.

“Найду!”

Дважды повернув налево, Алдар уткнулся в глухую деревянную стену и снова разразился ругательствами. Досталось и Гаверу, указавшему это направление, и варварам, хаотично ставившим свои дома, и градоправителю, который не мог навести здесь хотя бы жалкое подобие порядка. Причём потомков северных воинов он честил совершенно напрасно: закоулки хоть и назывались “варварскими”, этого народа здесь жило сильно меньше половины. Название было всего лишь *историческим*.

Неожиданно в стене открылся лаз, и высунувшийся по пояс человек (совершенно не похожий на варвара) вежливо поинтересовался:

– Кой ляд ты здесь орёшь?

– Мне к Хряку, – мгновенно сориентировался Алдар.

– На кой?

– Много вопросов задаёшь, – недобро прищурился советник. – Дай пройти!

По всему выходило, что он набрёл на нужное место. Ну, возможно, с чёрного хода...

– Самострел есть? – хмуро зыркнул на него человек в лазе.

Алдар демонстративно похлопал по мечу.

– Предпочитаю честное оружие.

– Ой, дура-ак... – насмешливо протянул его собеседник, но всё-таки посторонился и поманил рукой:

– Ну, заходи, ежели очень надобно.

Алдар протиснулся в узкий лаз и двинулся следом за привратником, или кем он там являлся. Идти было недалеко: короткий коридор сменился крутой лестницей, и через несколько секунд советник оказался в довольно просторной комнате.

Здесь царил полумрак. Единственное окно, затянутое бычьим пузырём, было загажено мухами так, что свет сквозь него почти не пробивался. В помещении стояло пять-шесть столов, окружённых длинными дубовыми скамьями. За одним, с огромной бутылью в плетёной корзине, сидело с десяток человек, и ещё двое спали под другим, трогательно прижавшись друг к

другу для большей сохранности тепла. Остальные столы пустовали, если, конечно, не считать крыс и мух, пирававших на обедах.

– Кого ты привёл, дурья твоя башка? Это ж Алдар, из городских!

Советник обернулся и сразу понял, что человек перед ним просто обязан зваться Хряком. Толстый, про таких говорят “поперёк себя шире”, с заплывшими жиром глазками и слегка вздёрнутым, напоминающим пяточок, носом.

– Меня не заботят твои делишки, – Алдар говорил тихо, но был уверен, что сидевшие за столами ловят каждое слово. – Я пытаюсь обуздать зло пострашнее. В городе объявился чародей, убивающий людей просто так, ради развлечения. Слышал, что случилось с Задуком?

– А то как же, – Хряк согласно закивал. – Только думаю, тебе на него плевать. Да и на всех нас, – он обвёл комнату рукой. – Ты этому чародею ещё и приплатить поди готов, коли он нас всех поджарит!

– Верно, – не поморщившись, признал Алдар. – Без вас город станет лучше. Только вот есть одна маленькая проблема, – он усмехнулся. – Как бы намекнуть чародею, чтобы он убивал только вас, а добропорядочных горожан не трогал? Ты случайно не знаешь?

Хряк криво ухмыльнулся, показывая, что оценил шутку.

– Поэтому я хочу устранить большее зло, – попытожил советник. – С вами, шушерой мелкой, потом как-нибудь разберёмся.

– Никто не знает, кто это был, – устало вздохнул Хряк.

Он извлёк из засаленного передника плоскую фляжку, откупорил её и сделал большой глоток.

– Что, никаких свидетелей? – недоверчиво переспросил Алдар. – Здесь, в закоулках? Где все следят за всеми?

– Я видел! Это – магичка, которая держит палатку на рынке!

Из-за стола, отмахиваясь от попыток соседей его удержать, вылез парень. Кайя бы его узнала сразу, но советник видел такую одутловатую, белобрысую рожу впервые.

– Мы были с Задуком, когда его... А вы что молчите? – повернулся он к собутыльникам. – Вы же тоже её видели!

Два дружка вынужденно потянулись следом.

– Недоумок, – прошипел один из них и неожиданно для всех кинулся в окно.

Раздался громкий треск, хлипкая рама не выдержала и развалилась. Беглец с завидным проворством перекувырнулся, взметнув тучу пыли, и кинулся наутёк.

“Потом разыщу, – решил Алдар. – Двое лучше одного”.

Он с тихим шелестом извлёк меч из ножен.

– Именем закона я приговариваю вас к смерти, – негромко произнёс он. – За надругательство и убийство невинной горожанки.

За столом кто-то пошевелился, и Алдар счёл необходимым добавить:

– Остальных попрошу не вмешиваться, дело касается только этих двух, – он концом меча указал на парней.

До одного из них только сейчас стало доходить, что что-то пошло не так. Второй оказался смекалистей:

– Эй, сюда проникла городская ишейка, а вы так и будете спокойно сидеть?

Он ожидал, что собутыльники кинутся на подмогу, но жестоко просчитался. Никто даже не пошевелился.

– Так себе друзья, да? – усмехнулся Алдар.

Он сделал шаг вперёд, взмахнул рукой, и тот насильник, что стоял ближе, удивлённо вздохнул. Из разреза у него на животе на пол вывалилась большая часть содержимого.

Второй попытался проделать тот же фокус с окном, что и их наиболее сообразительный приятель, но не успел. Алдар прынул вперёд и коротким движением клинка перерубил ему сухожилия на ноге. Тот рухнул, как подкошенный, подвывая от боли и ужаса.

– Кончай его уже и выметайся, – пробасил Хряк где-то за плечом.

Советник не заставил себя просить дважды. Шагнув к скорчившемуся на полу парню, он одним мощным ударом меча отделил голову от тела.

– Пол попортил, – проворчал Хряк. – Намусорил...

– Уберёте, – отмахнулся Алдар. – Провожать не надо, выход сам найду.

Он подошёл к окну и, подтянувшись на руках, вылез наружу. Деревянная рама, обломками валяющаяся под стеной, уже не могла этому помешать.

Не могла она помешать и болту из самострела, вылетевшему следом. С сухим щелчком он вошёл под левую лопатку советника.

Алдар упал.

– Говорил же, дуралей, – усмехнулся мужчина, который впустил советника давеча с потайного входа. – Без самострела-то сейчас никак!

Советник не слышал, и, даже если бы слышал, то не возразил. Из раны быстро струилась тёмная кровь. Под телом уже собралась чёрно-красная лужа.

– Глупо, он уже уходил! Ну слазь теперь, проверь, готов или нет, – раздался из глубины комнаты голос Хряка. – Не хватало ещё, чтобы он оклемался и снова пришёл.

– Лежит, не шевелится, – выглянув, ответил стрелок, но, тем не менее, послушался.

Отложив самострел на грязный стол, он со вздохом полез в оконный проём. Излишней ловкостью мужчина не страдал, и оттого чуть не свалился на Алдара сверху, зацепившись носком сапога за плохо оструганный подоконник.

– Вроде, готов. Не дышит, – заключил стрелок и тут же всё-таки рухнул прямо на советника.

– Что там? – громко забеспокоился Хряк.

– А ты выглянь да посмотри, – ехидно ответил женский голос с улицы.

– Не буду, – хозяин притона наоборот, отступил от окна в темноту комнаты.

– Выходи, не бойся, – настаивала женщина. – И носилки захвати, Фарел.

– Обойдусь, – буркнул тот, слегка удивившись, что собеседница назвала его не прозвищем, а по имени, от которого он уже давненько отвык. – Мне тут спокойнее.

Женщина сочно выругалась.

– У тебя яйца отсохли, что ли? Хватит дрожать, мне твоя помощь нужна!

Она без опаски заглянула в окно.

– Шатти! – удивлённо воскликнул хозяин притона, поспешив навстречу.

– Носилки, – напомнила целительница.

– Откуда бы им взяться? – развёл руками Фарел. – У меня что, лазарет?

– Сейчас будет, – пообещала Шаттнаара. – Неси его внутрь, – она кивнула на советника.

Кровь уже не струилась, края раны сошлись под действием заклинания. Но в сознание Алдар ещё не пришёл.

– Говённые новоделы, – проворчал хозяин притона, выбираясь наружу. – Дешёвка! В наше время самострел всегда ставил точку.

Он легко подхватил советника, как тряпичную куклу, закинул на плечо и потопал вдоль стены.

– Эээ... куда? – воскликнула Шаттнаара.

– В дверь, – буркнул Фарел. – Люди обычно заходят через двери, знаешь ли. В окно с ним не пролезу.

Через пару минут советник был переодет и уложен в хрякову постель, а Шаттнаара готовила на таганке целебный настой из нескольких трав. Хозяин притона разогнал гостей и сидел

теперь в гордом одиночестве за наименее грязным столом. Бутыль из плетёной корзины он отодвигать не стал.

– А помнишь, как мы... – начал он с мечтательными нотками в голосе, но целительница, суетившаяся тут же, прервала его:

– Помню! Хорошее было время...

– И ты всё ещё знаешь, где мой дом, – промурлыкал Фарел. – Может нам...

– Нет уж, – снова не дала ему договорить Шаттнаара. – Ты страшно растолстел и обрюзг.

Да и я, – она критически осмотрела себя, – не помолодела.

– Ты хороша! – протестующе воскликнул хозяин притона.

Шаттнаара мелодично рассмеялась.

– Но пятнадцатилетняя соседка всё же лучше, я полагаю?

Хряк вздохнул и опрокинул очередную кружку.

– Куда мне до пятнадцатилетних? Сил уж не хватит.

– Ой, брось, – шутливо отмахнулась целительница. – Раньше ещё как хватало! Приходи ко мне завтра, я тебе такой декокт сооружу, сил станет больше, чем в молодости.

– Ага, и рожу он мне подправит, твой декокт, – уныло скривился Фарел. – И пузо уберёт.

Бутыль пустела с ужасающей скоростью.

– Что нет – то нет, – согласно кивнула Шаттнаара, пробуя получившийся отвар на вкус.

Вроде, неплохо вышел.

В дверях появился Алдар. Он стоял, пошатываясь и борясь с тошнотой. Последняя была отчасти вызвана ранением, исцелением и вытекающей из этого слабостью, отчасти – запахом хрякова одеяла, в которое его завернули.

– Как ты меня нашла? – проговорил он почти шёпотом.

– Шла-шла и нашла, – пожалала плечами Шаттнаара. – Повезло. Главным образом, тебе!

Потому что без моей помощи ты бы...

– Я знаю, – советник слегка кивнул.

От кивка его замутило с удвоенной силой.

– Спасибо, Шатти.

– Шатти?! – Фарел стукнул кружкой по столу. – Это – твой теперешний хахаль?

Целительница вздохнула.

– Я бы не отказалась, но этот мальчик слишком юн для меня, – кокетливо взмахнув ресницами, “призналась” она. – Но он – под моей защитой, если что. Мы поняли друг друга, Фарел?

Шаттнаара метнула на хозяина притона такой взгляд, что тому захотелось – всего на одно мгновение, но всё-таки захотелось! – нырнуть под стол и притвориться, что его здесь нет.

– Не помню, говорила ли я, но имя “Шатти” мне не нравится, – строго добавила целительница.

Второй взгляд, лишь самую малость помягче, предназначался советнику.

– Что натворили эти двое? – сменил тему Фарел, кивком головы указав на лежащие на полу трупы насильников.

Их до сих пор не убрали. Верно, порядок и чистота хозяина заботили не столь сильно, сколь он пытался ранее показать.

– Надругались и пытались задушить мою ученицу, – спокойно ответила Шаттнаара.

– Ну, поделом им, значит, – подытожил Фарел после небольшого молчания. – Задук был с ними? Это ты его поджарила?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответила целительница.

– Кто четвёртый? – советник повернулся к Фарелу. – Который сиганул в окно.

– Зорот, – без запинки ответил хозяин притона. – Бортников сын. Вот ведь паскуды!

Алдар усмехнулся.

– Можно подумать, тебя это задело.

– Обидеть хочешь? – Фарел нахмурился. – В моём доме? У меня бывают разные гости, то верно. И сам я не очень чист, то – тоже правда. Золото, серебро... случалось и за нож хвататься. Раза два.

– В двадцать два поверю охотнее, – советник смотрел Фарелу прямо в глаза. – Но вижу, что такое паскудство, как ты выразился, тебе поперёк натуры. Мои извинения.

– Иди приляг, – хозяин притона кивнул в знак, что извинения приняты. – Везучий ты, парень. Если Шатти самолично за тебя вступается... А самострел хоть и говённый, а всё ж таки дырку проделал аккурат, где надо. За малым, поди, до сердца не достал.

– Достал, – с каким-то странным выражением в голосе поправила его целительница. – Обычно такие ранения исцелить нельзя, но... удалось почему-то. Ты и впрямь везучий! – заключила она.

Шаттнаара ничуть не кривила душой. У любого заклинания, и исцеляющие – не исключение, есть предел. У каждого чародея он, конечно, разный. Но свои возможности она знала очень хорошо и, когда увидела, что натворил болт, выпущенный из самострела, чуть не взвyla от горя.

Поняла: поздно. И исцеляющую формулу произнесла скорее машинально, чем всерьёз надеясь, что та всё-таки почему-то сработает.

Но она сработала!

И это не давало теперь целительнице покоя: отчего? Должна же быть какая-то причина, объяснение этому, желательно – научное.

Так ничего толком и не надумав, Шаттнаара решила при случае написать своему бывшему наставнику. Она очень хорошо помнила: несмотря на всё своё высокомерие, Коршун был непревзойдённым чародеем.

Уж он точно разберётся во всём этом.

Кайя сердилась. Главным образом, на себя: снова проспала до полудня, и Алдар ушёл на работу голодным. (То, что он вообще не приходил, отлёживаясь после ранения в Варварских закоулках, она знать, понятно, не могла).

– Выгонит он тебя и наймёт нормальную служанку, – приговаривала она сама себе, кухаря. – И будет прав!

С завтраком, положим, не задалось, но уж обед (или ужин?) она сделает такой, что советник пальчики оближет! И... авось, не выгонит?

– Аааа!!!

Увлёкшись готовкой и самокритикой, она не заметила, что (а точнее – *кто*) ещё есть на полке с крупами, куда потянулась её рука. Но крыса, которая таилась в надежде, что её вся эта суета не коснётся, увидела приближающуюся пятерню и осознала: надо бежать, сейчас или никогда.

Вышло “никогда”. Чародейка пожелала видеть мёртвую крысу вместо живой, и та сразу же стала таковой. Вздохнув, девушка пошла за метёлкой и помойным ведром: брать руками эту гадость совершенно не хотелось.

“А почему, собственно, гадость? – неожиданно подумала она. – Живое существо, невинное, ничего плохого не сделавшее. Ну, слопала бы фунт крупы. Авось, советника не объела бы. А я её...”

Трупик крысы лежал на полке немym укором.

“А если я и на людей так кидаться начну?” – ужаснулась мысленно Кайя, пытаясь метёлкой запихнуть крысу в ведро.

Взять её рукой или хотя бы рукавицей девушка не желала, несмотря на все свои уколы совести.

Людей ей доводилось убивать, но это всегда были *плохие* люди. В тех случаях, когда Кайя этого наверняка знать не могла, с определением помогал Бередар. Но даже тогда никакого удовольствия от этого она не получала. Сейчас же чародея рядом нет, а Алдар едва ли станет раздавать подобные указания... Словом, она сама по себе.

Рано или поздно, решение об убийстве врага придётся принимать. И принимать быстро: стоит замешкаться – и враг успеет тебя опередить. Но что, если она примется относить к плохим любого, кто не понравится или лишь *слегка* обидит? Торговца, обсчитавшего на две медные монетки, дородную тётку, наступившую на ногу в давке на Рыночной площади, или мальчишку, запустившего в неё яблочным огрызком с забора?

Что, если в спешке, опасаясь за свою собственную жизнь, она начнёт принимать *ошибочные* решения? Убивать невиновных. Ещё хуже: беззащитных.

“Вполне может получиться путь, усеянный трупами, – логично заключила Кайя. – И он приведёт к шибенице, в лучшем случае”.

Ей доводилось видеть варианты и похуже. Верёвка с петлёй грозила лишь в просвещённом Велленхэме, а в Альхане, куда они с Бередаром время от времени возвращались в своих странствиях, чародеев, пойманных на убийстве, по традиции сжигали заживо. В тоддмерских городах – четверговали. Кое-где – девушка знала и об этом – сдирали кожу.

А Гатвин считался велленхэмским городом чисто номинально. Король Велленхэма сидел на своём золотом троне где-то в Стеррене, за поясом труднопроходимых гор, и был фигурой настолько далёкой, что многие горожане всерьёз гадали, существует ли сей монарх вообще. Вся полнота власти принадлежала местному градоправителю с несколькими советниками, и кто его знает, сообразно какой из чудесных традиций здесь казнят чародеев.

Выяснять это из первых рук девушке совершенно не хотелось. Но как научиться быстро и, главное, верно оценивать угрозу, она не знала.

Обуреваемая такими раздумьями, Кайя закончила с готовкой и отправилась к Шаттнааре, как та и велела. Теперь девушка шагала по улицам Гатвина с большой осторожностью. Жестокие уроки, полученные ею здесь, дали свои плоды. Она внимательно осматривала всех встречаемых прохожих ещё издали и, если те казались подозрительными, тут же сворачивала в ближайший переулок.

Из-за этого, дорога к целительнице стала длиннее вдвое, а то и втрое. Вдобавок, плутая в окрестностях рынка, Кайя вышла к нему с другой стороны, и теперь находилась от палатки Шаттнаары шагах в трёхстах, отделённая от неё двумя рядами с битой птицей, фруктовым развалом и помостом в центре площади.

Помост, к слову, редко когда пустовал. Здесь часто выступали менестрели, артисты и сказители, музыканты и шарлатаны, именующие себя провидцами. Шаттнаара именовала их более ёмко и совершенно неприлично, но налог на выступление они платили исправно (ибо он окупался сторицей), а в вопрос достоверности их предсказаний городские власти не углублялись. Провидцы, со своей стороны, непременно старались обойтись весьма общими фразами, чтобы каждый нашёл в них отголоски реальных событий и убедил себя в истинности предсказательского дара. Или же ставили малопонятные и трудновыполнимые условия: чтобы потом морду не набили, ежели что.

– Вижу! Вижу женщину в алых одеждах! Не заговаривай с ней, обходи её стороной, и дела в твоей лавке пойдут в гору! – сулил провидец купцу, расщедрившемуся на две монеты серебром.

Купец направлялся домой, весьма озадаченный: женщин, имеющих выходные нарядные платья разных оттенков красного цвета, в его окружении было предостаточно: и жена, и тёща, и соседки, и любовница, и ещё одна любовница... Которую из них обходить? И, если выбор падал на соседку слева, то опасность-то, напротив, заключалась непременно в той, что живёт

по правую руку. О чём и готов был разъяснить такой провидец, явись лавочник после особенно неудачной сделки, с чешущимися кулаками и глазами, покрасневшими от ярости.

– Замысел твой обернётся большой прибылью, – соловьём распевался ещё один, убеждая другого купца. – Соглашайся на продажу амбара! Избегай, однако, птичьих следов на камнях, не переступай их, а то накличешь одно разорение.

Мужик после сего откровения долго задумчиво чесал в затылке. Как усмотреть птичьи или вообще чьи бы то ни было следы на камнях, прорицатель не уточнял. Собаку, что ли, натаскать?.. А ежели свежий снег выпадет? И касается ли сказанное домашней птицы? На подворье два десятка кур, они своими коварными, сулящими разорение лапами давно уж истоптали всё вокруг, хоть нос домой теперь не кажи!

Хотя курица, вроде бы, и вовсе не птица... Сложно всё это! Непонятно!

Но иногда помост занимали целые группы артистов, театральных или цирковых. В Гатвин они добирались редко, и потому каждое такое выступление, в отличие от скверных певцов местного пошиба, собирало толпы охочих до зрелищ горожан.

Вот и сейчас со стороны помоста доносились весёлая музыка и аханье зрителей. Кайя подошла ближе и увидела, что место для выступлений на этот раз было занято бродячим цирком.

На помосте блистательно танцевала под музыку светловолосая, совсем юная девушка, лет тринадцати. Обряженная в ярко-алые, развивающиеся от движений и ветра одежды, она приковывала к себе все взгляды. Кайя тоже залюбовалась артисткой.

“Вот бы я была хотя бы вполовину такой миленькой, как она!” – подумалось ей.

Собственные рыжие волосы ей никогда особо не нравились. Глаза... ну, глаза были ничего: зелёные, большие, с длинными ресницами. Но всё дело портили веснушки! Особенно ярко они проявлялись, когда Кайя краснела от смущения или злости, но и в обычном состоянии были очень даже заметны.

Девушка из цирка между тем двигалась всё быстрее, под ускоряющийся темп музыкантов. Деревянный помост гудел и вибрировал в такт ударам пяток. Толпа зрителей снова ахнула: танцовщица начала сбрасывать с себя одежды, одну за другой.

Музыка звучала всё быстрее, всё громче, а надетого на юное тело становилось всё меньше. Наконец, грянул заключительный аккорд, и на стройной фигурке остались только две неширокие полоски ткани, на бёдрах и на груди. Озорно улыбнувшись, артистка убежала в цирковой шатёр, расположенный за помостом. Почти сразу туда же шагнул бородачатый мужчина в роскошном рубинового цвета камзоле.

Кайя прекрасно поняла, что это может значить. Она поколебалась мгновение, а затем обежала помост и, приблизившись к шатру, заглянула внутрь.

И тут же с облегчением выдохнула. По всему выходило, что мужчина не только не собирався обесчестить девушку, но вдобавок защищал её от других. А желающих хватало: чародейка увидела четырёх горожан, наперебой предлагающих цену за ночь или хотя бы пару часов с артисткой в алом. Всех перекрыл голос бородача:

– Пошли вон отсюда! Я здесь хозяин, она – моя рабыня! Не про вас товар!

– Десять монет! – попытался торговаться кто-то.

– Засунь их себе в жопу! – прорычал хозяин артистки. – Проваливайте, пока я не кликнул своих молодцов.

Кайя шмыгнула от полога подальше. Мужчины, понурив головы, один за другим начали выходить из шатра. Одного Кайя узнала в лицо: это был тот самый кузнец, который давеча участвовал в кровавой расправе над двумя воришками. Остальные были ей незнакомы.

Неожиданно девушку охватило странное чувство ощущения свершившейся справедливости. Разве годится, чтобы человека покупали на ночь? По крайней мере, против его воли. В странствиях с Бередаром Кайя не раз видела, как чародей торговался с вызывающе откровенно

одетыми женщинами, которые словно бы невзначай подходили к мужчине в тавернах или на городских площадях. Лет с десяти девушка уже догадывалась о предмете торга, но относилась к этому весьма спокойно. Ежели те сами предлагают эдакое – что в том зазорного?

Уж всяко такая сделка честнее продажи младенца для магических экспериментов, который и возразить-то не может, и наверняка не ищет такой участи.

Но если женщину, хотя бы и рабыню, именно продают? И даже не как козу, как поросёнка в скотном ряду, а так... попользоваться и вернуть! Чудовишно. Несправедливо! Кем нужно быть, чтобы, против воли артистки (а та вроде не выказала ничего, похожего на желание или хотя бы на согласие!) покупать её на ночь? Чтобы переспать.

Да нет, не “переспать”... Оттрахать.

Кулаки Кайи сами сжались от злости. На ладонях потом до вечера оставались отметины от ногтей, а девушка ещё долго хвалила себя за то, что не пожелала неудачливому “купцу” смерти прямо там, на месте.

– Ублюдок! Не про тебя товар, – злорадно прошипела она в спину кузнецу, повторив фразу за хозяином цирка.

Но вышло настолько тихо, что кузнец даже не обернулся.

Не услышал.

Кайя подумала добавить что-нибудь из тех слов, за которые не так давно получила оплеух от покойного зеленщика, но осеклась: двое в шатре продолжали разговаривать.

– Спасибо, мастер Тагрис, – услышала она мелодичный голос светловолосой девушки.

– Ха! – уже спокойнее отозвался бородач. – За тебя мне какой-нибудь вельможа отвалит немало золота! На кой мне их вшивые монеты?

Кайя помрачнела. Оказывается, хозяин цирковой труппы защищал девушку вовсе не из добрых побуждений. Просто рассчитывал продать подороже.

– Ты чего расселась?! – продолжал тем временем Тагрис. – Живо бери железки и на помост! Следующий номер твой!

– Я... Сейчас, мастер, – артистка говорила всё тише и тише, теперь Кайя почти её не слышала. – Мне... минутку отдохнуть.

– Какой ещё отдых?! – взвился Тагрис. – Хочешь, чтобы народ начал расходиться?! Работай!

– Ну, секундочку, – умоляющим голосом попросила девушка. – У меня... особые дни, мне тяжело.

– Быстро, марш на помост! – проорал хозяин цирка. – Или мне за плётку взяться?

– Не надо! – испуганно вскрикнула девушка. – Уже бегу!

Полог распахнулся, артистка вихрем промчалась мимо Кайи, едва её заметив, и взбежала на помост. Публика встретила её восторженной овацией.

Кайя, особо не раздумывая, шагнула внутрь шатра. Ярость и жажда справедливости колопали где-то внутри, словно расплавленный камень в Огненных горах, отчаянно ища выход на поверхность.

Хозяин цирка расселся в мягком кресле, спиной ко входу. Размахивая бокалом вина, он разговаривал сам с собой.

– Кормлю их зря! Не работают, ленивые твари! Как сонные мухи ползают... “Особые дни”, – передразнил он артистку. – Значит, очень кстати, что одежда красная!

– Тагрис? – окликнула его Кайя.

Голос не дрожал.

Хозяин цирка оглянулся через плечо и небрежно бросил:

– Ты кто? Чего тебе?

– Я – помощница городского советника Алдара, – Кайя почти не соврала. – И услышала, как у вас обходятся с артистами.

Тагриз моментально вскочил, развернулся к гостье и даже изобразил полупоклон.

– Прошу прощения, госпожа помощница советника, но Лисси... эта артистка, – пояснил хозяин цирка, – моя законная рабыня. Значит, моя воля делать с ней всё, что угодно. Есть бумаги, показать? – засуетился он.

– Не надо, – отмахнулась Кайя, окончательно вживаясь в роль. – Но хочу напомнить: в Гатвине жестокое обращение с людьми запрещено!

– С каких это пор? – неподдельно удивился Тагриз.

– С прошлого праздника Урожая, – нашлась девушка, надеясь, что с того времени бродячий цирк ещё не бывал здесь с гастролями. – В общем, если я или кто-то из наших людей ещё раз услышит про плётки и издевательства, – она нахмурилась, надеясь, что это выглядит достаточно серьёзно, – мы посадим тебя в темницу, а имущество отберём.

Тагриз молча кивнул, гадая, что из озвученных угроз окажется правдой. Помощница советника была юна, даже слишком юна, но кто их знает, этих представителей властей! Она вполне могла заполучить свой пост за то, что мастерски ублажала советника, а то и весь городской совет с бургомистром во главе. Но это отнюдь не означало, что можно не обращать внимания на её слова! Быть может, даже наоборот: попробуй обидеть такую, и, с её подлого доноса, мигом загремишь в темницу, откуда уже не выйти.

За долгие годы странствий со своим цирком, Тагриз усвоил одно нехитрое правило: никогда не спорить с властями и не перечить им. Пусть себе заявляют, что хотят, главное – лебезить и соглашаться. Через два, самое большее – три дня труппа покинет этот город, а за стенами уж никто им не указ.

Правда, был случай, когда два десятка стражников преследовали его чуть ли не через весь Тоддмер. Но там у одного бургомистра была личная причина: хозяин цирка переспал с его дочерью. Тагриз не любил об этом вспоминать: ночь вышла так себе, а расплата едва не оказалась несоизмеримо высока. Хозяин цирка, как делец, находил это обстоятельство весьма позорным.

Сейчас же, следуя своему правилу, он изобразил на лице покорность и произнёс:

– Я чту законы. Можете быть уверены, госпожа, что ни один мой артист не будет обижен.

– Надеюсь, – холодно кивнула Кайя, внутренне ликуя.

“Победа, победа!”

– В любом случае, чтобы удостовериться в этом, я поговорю с артистами наедине. С этой... как её...

– Лисси? – подсказал Тагриз. – Как вам будет угодно! Я велю ей явиться в ратушу после выступления.

“Нет, нет! Как я объясню это всё Алдару?!”

– Да, это было бы прекрасно, – вслух проговорила Кайя и вышла, не прощаясь.

Встречу с Шатнаарой придётся перенести. Сейчас важнее успеть известить советника обо всём происшедшем и... Впрочем, что надо сделать после “и”, она и сама толком не представляла.

Тагриз после ухода Кайи плюхнулся обратно в кресло и наполнил кубок до краёв. Этот неприятный визит определённо следовало запить... и заесть. Хозяин цирка нащупал в кармане рубинового камзола печатный пряник и с удовольствием откусил сразу половину.

– Жестокое обращение с людьми запрещено! – передразнил он Кайю, кривляясь и гримасничая. – Что только не выдумывают! Эдак скоро и рабство запретят...

Тагриз осушил кубок двумя глотками.

– Куда катится Велленхэм... – сокрушённо вздохнул он. – А ведь достойное королевство было! Не удивлюсь, если ихний король уже без дозволения совета шагу ступить не может. Король! – со значимостью повторил хозяин цирка, в раздражении отбросив кубок и припадая

губами к горлышку бутылки. – А какой ты, на хрен, король, ежели тебе чернь указывает, что должно делать, а что – нет?! Говорящая жопа на троне!

Бутыль стремительно пустела. У Тагриза была припрятана ещё одна, с вином из Делора, что намного дороже и уж наверное повкуснее. Увы, ей придётся пожертвовать. Ни в одном городе хозяин цирка ещё не встречал представителя властей, отказавшегося бы от такого подарка.

Настроение, приподнявшееся было от выпивки, тут же рухнуло камнем в пропасть.

– Надо будет объяснить Лисси, что ей следует говорить в ратуше, а чего – не следует, – пробормотал Тагриз, извлекая бутылку делорского вина на свет и смахивая рукавом пыль. – И выдрать как следует! Но, – он опасливо оглянулся, – после того, как выедем из вшивого городишки.

Хозяин цирка не собирался нарушать местные законы, даже если считал их абсурдными. Нельзя дать властям ни единого шанса обогатиться за его, тагризов, счёт, путём отбора имущества. Ни на медную монетку! Да и в местную темницу не хотелось бы...

Алдар хмуро выслушал сбивчивый рассказ чародейки, ради разнообразия – правдивый, а затем минут пять просто сидел, глядя вверх головы Кайи куда-то вдаль. Та уже вся извелась, ожидая ответа, но его всё не было.

– Ульвик, – обратился он, наконец, не к чародейке, а к стражнику, стоявшему у входа в комнату “для встреч советников с просителями”. – Спустись к воротам и вели пропустить ко мне артистку бродячего цирка Лисси, когда она зайвится.

Стражник молча кивнул и потопал выполнять распоряжение.

– Мне просто стало жаль её, – тихо проговорила Кайя. – Ты ведь можешь заступиться за девушку?

– Посмотрим, – кивнул советник. – Но ты лезешь не в своё дело!

Прозвучало резковато.

– Можешь наказать меня, если хочешь, – вздохнула чародейка, втайне надеясь услышать бурные возражения.

Или спокойные.

Хоть какие-нибудь.

– Посмотрим, – повторил Алдар.

В комнату заглянул Ульвик.

– К вам посетительница, господин советник.

– Пусти!

Осторожно ступая по ковру и беспокойно озираясь, в комнату зашла Лисси. В руках у неё был внушительный свёрток.

– Господин мастер Тагриз велел передать уверения в совершеннейшем почтении и маленький подарок господину советнику, – тихим мелодичным голосом произнесла она, и с поклоном протянула Алдару свёрток.

Тот хмыкнул, развернул тряпки и увидел большую пузатую бутылку тёмного стекла. Внутри плескалась жидкость.

– Вино из самого Делора! – с удивлением произнёс он, присмотревшись к рунической вязи на глиняной табличке, привязанной к бутылки. – Однако! Не такой уж “маленький” получается подарок. Дорогой!

Лисси доподлинно знала, что вино хозяин не покупал, а выиграл в кости у какого-то гнома в Румхире, где бродячий цирк гастролировал месяц назад, но уточнять этого, понятно, не стала.

Специально заезжать в подгорное королевство с гастролью не было смысла: гномы – народец прижимистый, и Тагриз это хорошо знал. Но дорога в богатый Велленхэм, чьи жители

весьма щедро благодарили артистов цирка всякий раз, как те заявлялись, с запада была только одна, и лежала аккуратно через Румхир.

– Мастер Тагриз сказал, что Вы желали побеседовать со мной, – с поклоном продолжила Лисси. – Спрашивайте, господин!

– Беседу проведёт моя помощница, – неожиданно для Кайи ухмыльнулся Алдар. – Я оставлю вас на несколько минут.

Он сноровисто встал и вышел, оставив до крайности изумлённую чародейку один на один с Лисси.

– Спрашивайте, госпожа, – поклонилась артистка теперь уже той.

– Я... эээ... – сбивчиво проговорила Кайя. – Твой хозяин тебя обижает?

– Нет, что Вы! Мастер Тагриз – очень заботливый, – запротестовала Лисси. – Он кормит нас, одевает и следит, чтобы мы не слишком уставали.

– Врёшь! – не удержалась чародейка. – Слышала я, какой он заботливый! Чуть что – за плеть хватается!

– В Гатвине – ни разу, – возразила Лисси. – Хозяин уважает законы.

Даже Кайе, не имевшей никакого опыта городского управления или хотя бы ведения бесед в качестве персоны, облечённой властью, было понятно: артистка говорит заученные фразы. Заученные, возможно, как раз с помощью той самой плётки.

– Я также слышала, как он выгонял тебя на выступление, не дав отдохнуть после предыдущего номера.

– Так положено, – снова мотнула головой Лисси. – Ведь негоже лавочнику отдыхать, коль в лавке полно покупателей? У нас то же самое, пока вокруг толпится народ – надо выступать.

Кайя поняла: не владея искусством вести расспросы, ничего здесь не добиться. Она попыталась и так, и эдак, но артистка на всё давала скучные однообразные ответы. Все они сводились к одному: в цирке всё замечательно, и выступающие всем довольны сверх всякой меры.

– Что ж... Если хозяин тебя обидит – приходи жаловаться, – со вздохом заключила самозваная помощница советника. – Сейчас – можешь возвращаться.

– И сделай милость, – дополнил Алдар, входя в комнату, – передай это мастеру Тагризу.

Он протянул Лисси золотую монету.

– С прошлого праздника Урожая бродячие цирки освобождены от уплаты налога на выступления в Гатвине, – пояснил он. – На воротах дежурил молодой стражник, он взял налог по ошибке. Вот, возвращаем, – он широко улыбнулся.

Как и всегда, из-за шрама через всё лицо, улыбка вышла жутковатой. Но Лисси не обратила на это особого внимания. Она обрадовано схватила монету, поблагодарила и быстро убежала.

– Твой долг мне растёт, – усмехнулся Алдар, когда дверь за артисткой захлопнулась. – Плюс золотой к серебрушке за исцеление у Шатти. Итого, одиннадцать монет серебром.

– Так это не... – начала Кайя, но советник раздражённо её перебил:

– Конечно “не!” Подумай сама. Из-за этой девушки Тагриз расстался с бутылью отменного вина. На ком он выместит злость, едва повозки цирка выкатятся за городскую стену?! А так, быть может, нежданная прибыль перевесит дурное настроение.

Чародейка кивнула, признавая мудрость Алдара. Ни она, ни он не могли знать, что через несколько дней, когда бродячий цирк двинется из Гатвина по дороге на Ксандру, Лисси всё же своё получит, и не сможет ехать в повозке сидя ещё несколько дней. Но, пожалуй, действительно немного меньше, чем обычно.

– И я не мог взять деньги из казны! – продолжал кипятиться советник. – Как бы я объяснил трату казначею? “На умиротворение одного ублюдка из десятков, ежедневно въезжающих в город”?! Так что, монеты были мои, а точнее – твои, раз уж ты это всё затеяла.

– Не одиннадцать, – тихо проговорила Кайя. – Тринадцать.

– Чего?! – не понял поначалу Алдар.

– Тринадцать монет. Две я взяла без спроса из твоего сундучка в комнате, – покаянно вздохнула девушка. – Купила книгу...

Советник на минуту замолчал.

На *очень* долгую минуту.

– Значит, тринадцать. Ступай домой. И, помимо ужина, приготовь к вечеру три хороших, гибких вишнёвых прута. Догадываешься, зачем?! Получишь и за кражу, и за то, что лезешь не в своё дело, – он мрачно усмехнулся. – Не знаю даже, за что больше...

Кайя молча кивнула.

Странное дело, но настроение у неё даже улучшилось.

“Накажет, и всё это останется в прошлом”, – подумала она почти радостно.

Осознание, что она обворовала человека, который о ней заботился, доверял, а теперь ещё и поддержал во всей этой истории с бродячим цирком, хотя был вовсе не обязан этого делать, не давало ей покоя. Но теперь-то всё наладится!

Стражник на входе приветливо пожелал девушке хорошего дня, но Кайя лишь рассеянно кивнула в ответ. Не от зазнайства (был бы повод для такового! Стражник не честил себя помощником Алдара, настоящим или мнимым, но и розги ему зато не угрожали). Просто девушка погрузилась в раздумья. Она всё никак не могла взять в толк, почему советник к ней хорошо относится. Несмотря на...

Кайя мотнула головой, отгоняя неприятную мысль о вишнёвых прутьях.

Ну, в самом-то деле! Сперва он, совершенно ещё незнакомый, защитил её от расправы со стороны Ундара. Посчитал удары по лицу несправедливым наказанием за ругательство? Допустим. Но почему Алдару вообще оказалось дело до этого? В Гатвине уж наверное часто кого-то бьют.

“Кого-то беззащитного, кому требуется помощь”, – подсказал Кайе внутренний голос.

Но даже если и так. Что же, советник вступает за всех беззащитных? Как ни крути, событие по меркам города выходило пустяковым. Всего-то отлупили безродную бродяжку на Рыночной площади. Большинство горожан это не то, что “преступлением”, а даже “проступком” не назовут. Разве советник должен решать такие дела? Уж куда проще было прошагать мимо, не замечая Кайи...

Но он заметил и вмешался. И даже отвёл потом к целительнице. Ради чего? Она-то Алдара даже не поблагодарила толком. Так чего ж он пытался добиться?

Справедливости.

Ответ оказался весьма простым. Не она ли, в конце концов, пару часов тому назад попыталась восстановить справедливость по отношению к незнакомой артистке бродячего цирка?! Ну, в меру своих возможностей, понятно. Но значит, не только Алдару, но и ей по душе *справедливое* положение дел.

Правда, теперь за это придётся расплачиваться. Где, интересно, в Гатвине растут вишни? Почему именно они?!

Кайя провела на рынке добрых два часа, выбирая мясо и овощи, а в хлебной лавке перешукала все имеющиеся ковриги, выискивая самую мягкую, за что заработала сумрачный взгляд пекаря.

Впрочем, дальше взгляда тот продвинуться не рискнул. Слухи в Гатвине распространялись быстро, и кто-то уже успел раззвонить, что у советника Алдара появилась, вроде бы, помощница. Обругаешь такую – и заработаешь немилость властей. Кому оно надо?

После лавки пекаря Кайя отправилась в “Два гуся”, один из самых лучших городских трактиров. Здесь царила предобеденная тишина: основной наплыв гостей будет вечером, и тогда же повара забéгают по кухне, как заведённые, пытаясь успеть приготовить десять блюд

одновременно и угодить всем и каждому. Сейчас же мастера кухонных дел отдыхали, лениво поигрывая за одним из столов в кости, по медяку с носа.

– Здравствуйте! Мне нужен господин главный повар Элайра, – церемонно обратилась девушка к играющим.

– Я – Элайра, – охотно отозвался один из сидевших за столом. – А кто его спрашивает?

– Помощница городского советника Алдара, – прибегнула Кайя к испытанному уже способу ведения бесед. – И у господина советника есть к Вам вопросы... наедине, – она предупредительно обвела взглядом остальных.

Повар удивлённо поднял брови, но ответил:

– Пройдёмте в кухню, госпожа...

– Кайя, – представилась девушка.

– Доиграйте без меня, – бросил он приятелям. – Всё равно не везёт.

В кухне пахло так, что у чародейки тут же заурчало в животе, и она мигом вспомнила, что сама-то ещё не ела, почитай, с самого утра. От повара это не укрылось.

– Могу предложить Вам кольцо колбасы с хлебом? – предложил он. – Колбасу делал я сам, за вкус ручаюсь.

Кайя сглотнула слюнки.

– Благодарю, господин Элайра! Но у меня, к сожалению, нет времени на обед.

– Понимаю! Служба... – повар уселся на высокую дубовую табуретку и закинул ногу за ногу. – Чем же я могу помочь господину советнику? Ничего противозаконного вроде не совершал...

– Нет, конечно, – подтвердила Кайя, разумеется, не имевшая понятия, как складываются у повара отношения с законами, но доверившаяся чутью.

Чутьё говорило: Элайра – неплохой человек.

– Господина советника интересует рецепт Вашего знаменитого жаркого, вкус которого известен далеко за пределами Гатвина, – Кайя решила не ходить вокруг да около.

– Ого! – хохотнул повар. – Не ожидал. А господин советник, – он стрельнул взглядом в девушку, – понимает, что это – большой секрет? И, если он станет ведом многим, это будет стоить мне работы?

– Господин советник даёт слово, что Ваша тайна сохранится, – покладисто ответила Кайя. – И я тоже.

Повар колебался. Профессиональные секреты выдавать действительно не хотелось. Но с другой стороны, советника Алдара он уважал, не будучи лично знакомым – уважал заочно. Он помнил, сколько беззакония было в городе до появления Алдара в ратуше. Прямо сказать, Гатвин даже сейчас нельзя было назвать спокойным и тихим, но ещё каких-нибудь пять лет назад было намного хуже. По крайней мере, сейчас Элайра мог без особого страха возвращаться домой за полночь, после напряжённой работы вечером в кухне “Двух гусей”. А пять лет назад его в это время ударили по голове и ограбили прямо на Рыночной площади, в самом центре города!

И он до сих пор мысленно благодарил грабителей, что те напали со спины, и не убили, а всего лишь сняли кошелек и сапоги с тела, лежащего без сознания.

Ну и, в конце-то концов, советник просит всего один рецепт, а у Элайры их ещё с два десятка. Авось не обеднеет.

– Умеете писать, госпожа? – поинтересовался повар у Кайи. – Здесь лучше на память не полагаться.

Дома, на кухне девушка превзошла саму себя. Такого ужина не постыдились бы и дворцовые повара в столице. Что удивительно, в первый раз в жизни Кайя готовила с удовольствием, несмотря на то, что в углу, в деревянной кадучке, мокли вишнёвые прутья. Не три, а целая

дужина, и чародейка то и дело на них косилась. Но не испытывала страха или злости, хоть и заготовила их своими руками.

Заслужила. К вечеру это уже останется в прошлом.

Кайя снова обдумывала события сегодняшнего утра, и решительно не находила никакого другого способа помочь цирковой артистке. Кроме того самого “вмешательства в дела властей”, за которое и ждала расплата.

Она не до конца понимала, почему вдруг озаботилась судьбой незнакомой девчонки. Наверняка её психопат-хозяин найдёт причину избить её ещё не раз (а то и изобьёт без всякой причины). Но чародейку отчего-то радовало, что её стараниями объём этих издевательств хоть чуть-чуть, но уменьшился.

Пожалуй, если бы можно было вернуться на полдня назад, и даже знай она, что будет наказана, то всё равно поступила бы так же.

В дверь постучали. Кайя немного растерялась: последний штрих к ужину, печёные с мёдом и корицей яблоки, будут готовы только через час. Но это оказался не советник, а Шаттнаара. Она с порога напустилась на девушку:

– Ты почему не пришла?! По-твоему, я буду целый день тебя поджидать, тоскливо выглядывая в окно?

Целительница прошла на кухню, бесцеремонно ухватила одно из яблок, подготовленных в печь, и звонко надкусила.

– Алдара ещё нет, – попыталась сменить тему Кайя. – Может, Вы желаете перекусить, пока его ждёте? Или вина?

– С чего ты взяла, что я пришла к нему, – пожала плечами Шаттнаара. – Я хотела выяснить...

Но тут её взгляд наткнулся на кадушку с розгами. Вывод было сделать несложно.

– Опять во что-то вляпалась? – усмехнулась целительница. – Рассказывай.

Кайя, стараясь быть краткой, поведала историю с циркачкой. И снова не прозвучало ни слова неправды. Странное дело, девушка начала находить какое-то странное удовольствие в том, что обходится без лжи. По крайней мере, в отношении тех людей, кто ей... ну, нравится, пожалуй.

– Забавно, – Шаттнаара догрызла одно яблоко и принялась за второе.

Девушка подумала, что противень с оставшимися фруктами следует отодвинуть подальше, а то Алдар останется без десерта, но... не посмела.

– Ты, конечно, полезла, куда не следует, – подытожила целительница. – Но наказывать за это? Не зна-аю, – с сомнением протянула она. – Вот что: я остаюсь на ужин.

– Но советник...

– Алдар не станет возражать. Он мне немножко должен.

Хлопнула входная дверь. Кайя поёжилась. Она по-прежнему не боялась наказания, но теперь начала испытывала недовольство. За что, собственно? За то, что она сделала мир чуточку справедливее?! Вот и госпожа Шаттнаара удивилась...

Но тут она вспомнила, что розги ей грозят ещё и за кражу денег у Алдара, и сникла.

Что ж. Это будет *справедливо*.

Советник, привлечённый голосами и запахами, зашёл на кухню.

– Привет, Шатти, привет, Кайя, – поздоровался он, тоже хватая яблоко.

Девушка поспешила схватить противень и запихнуть его в печь.

– Что у нас на ужин? – настроение у Алдара было весёлым, чего нельзя было сказать о Кайе. – Шатти, ты присоединишься к нам? Есть повод отпраздновать!

– Безусловно, – Шаттнаара постаралась вложить в голос столько ядовитой иронии, сколько вообще возможно. – Разве можно выдумать лучший повод для праздника, чем порка девушки, вся вина которой лишь в том, что она хотела сделать доброе дело?

Советник на мгновение нахмурился, тоже заметил в углу кадушку с прутьями и рассмеялся.

– О, нет. Можешь выбросить, – он кивнул на угол. – Я придумал наказание поостроже.

Кайя насторожилась. Лучше уж заранее известная неприятность, чем незнание, чего теперь ожидать. Шаттнаара вопросительно изломила бровь.

– Начиная со следующей недели, будем ходить в ратушу вместе, – Алдар поискал глазами, что ещё можно по-быстрому съесть, не нашёл и немного расстроился. – Ибо ты становишься моим помощником, на законных основаниях. Будешь знать, как лезть в наши дела!

Он вытащил из кармана лист пергамента и вручил его Кайе, которая как раз окончательно перестала понимать происходящее и недоумённо уставилась на советника.

– Вопросы потом, – отмахнулся Алдар. – Накрывай на стол, сделай милость. Ежа готов съесть!

– Но я не только влезла куда не следовало, – девушка снова опустила взгляд. – Я ещё украла у тебя деньги. Может... – она посмотрела на кадушку с розгами, – не выбрасывать?

Советник вздохнул и задумался. Признаться, он так обрадовался своей затее, что про кражу вовсе забыл.

– Выбрось, – мягко проговорил он наконец. – И никогда так больше не делай. Лучше скажи мне, попроси в долг, наконец...

Кайя молча кивнула.

Теперь она была уверена, что скорее отрубит себе руку, чем украдёт у Алдара хоть самую мелкую монетку.

Оказалось, что советник не шутил. На листе пергамента чёрным по жёлтому было указано, что Кайя из дома Энедаль назначается помощником городского советника по спокойствию и миру, в связи с чем оной полагается жалование в три золотых в неделю, двадцать три дня отдыха в году, по выбору, и погребение за счёт городской казны, ежели служебные дела приведут к гибели.

Вопросов меньше не стало. Они роились в голове у девушки, словно пчёлы в июльском саду, и та не знала, какой следует задать наперёд.

– Энедаль? – проговорила она, наконец.

– Единственное, что тебя заинтересовало? – рассмеялся Алдар. – Записал тебя от своего дома. В конце концов, ты у меня живёшь.

Шаттнаара бросила на советника удивлённый взгляд, но промолчала.

– А что я должна делать? – задала Кайя главный, пожалуй, вопрос.

– Всё, что я тебе поручу, – пожал плечами Алдар. – Работы много. Иногда – опасной, иногда – грязной, и почти всегда – скучной. От домашних обязанностей я тебя не освобождаю, так что свободного времени у тебя останется совсем чуть-чуть... – он задумался. – Если вообще останется! Но так оно и лучше: прекратишь делать всякие глупости и лезть, куда не надо.

– Туда было надо! – с вызовом заявила Кайя. – Циркач бы избил эту девчонку!

– “Девчонку!” – передразнил её Алдар. – Сама ещё девчонка, мало в чём разбираешься, а думаешь, будто можешь улучшить весь мир!

– Может, ещё улучшу, – в тон ему отозвалась чародейка, не желая терять позиции.

– Ну, конечно, – фыркнул советник. – Никому пока не удалось, тебя ждали!

– Дождались, значит, – Кайя всё-таки оставила за собой последнее слово и принялась убирать со стола.

Алдар и целительница переглянулись. В глазах у Шаттнаары плясали смешинки.

– Помощница что надо! – с одобрением отметила она. – Ты – молодец, Алдар. Хорошо придумал!

– Посмотрим, – проворчал советник, гадая, не обернётся ли его придумка новыми сложностями.

– Только дай ей каждый день хоть час свободного времени, – продолжила Шаттнаара. – Собралась её учить.

Алдар удивлённо моргнул.

– Целительству, что ли?

– И ему тоже, – кивнула Шаттнаара. – У неё есть способности, – предупредила она следующий вопрос, готовый сорваться с губ советника.

– Как скажешь, – махнул рукой Алдар. – Тебя проводить?

– Ещё чего! – возмутилась целительница. – Никуда я не пойду в такую темень. Устрой меня в комнате для гостей.

Действительно, за окном уже висел узкий серп луны. Но советник, памятуя, что Шаттнаара без страха расхаживает по Варварским закоулкам и, наверняка, другим, не особо годящимся для прогулок, местам, уставился на целительницу с таким сомнением во взгляде, что та сочла нужным пояснить:

– Поболтаю с девчонкой. Есть о чём.

– Так бы и сказала, – проворчал Алдар. – Кайя! Приготовь в гостевой комнате постель. Госпожа Шаттнаара останется на ночлег.

Советник уже видел десятый сон, когда целительница впустила Кайю к себе. Убранство гостевой комнаты было вполне аскетичным, как и всё в доме советника. Стол, два стула и простая деревянная кровать, широкая, но неудобная, и даже без сетки от насекомых.

Правда, как раз насекомых с появлением в доме Кайи стало сильно меньше. Они не оценили рвения девушки наводить чистоту чаще, чем стоило бы, и давно уже начали расползаться по соседям, в поисках более спокойной жизни.

Кайя осторожно присела на край дубового стула и вопросительно взглянула на Шаттнаару.

– Итак, начнём. – Целительница потёрла ладони, разогреваясь. – Бередар объяснял тебе про Символы?

– Конечно! – кивнула девушка. – Символы, сложенные определённым образом пальцы, помогают магу концентрировать силы, – процитировала она своего первого наставника.

Шаттнаара кивнула. Она тоже помнила эту фразу, записанную в первой главе первой книги, которую выдавали всем адептам, “Основы магии”.

– Какие Символы ты знаешь? Покажи мне, – попросила она.

Кайя принялась старательно загибать пальцы. Целительница минуту-другую изучала эти попытки, морщась от увиденного, затем осторожно поинтересовалась:

– А что говорил на это твой наставник?

У девушки порозовели уши.

– Много разных слов... Из тех, за которые бывают оплеухи.

– Ну, вообще-то это – его вина. Нужно не ругаться, а объяснять. Смотри сюда...

Через какой-нибудь час Кайя могла вполне пристойно сложить три-четыре Символа. Шаттнаара украдкой смахнула испарину со лба (она и подумать не могла, что наставничество отнимает столько сил) и заключила:

– На сегодня хватит. Брысь спать!

– Но...

– Никаких “но”! Марш в постель, кому говорю!

– Всё равно не усну, – проворчала Кайя.

Вот только-только что-то начало получаться, и, вместо того, чтобы отточить новообретённый навык до совершенства, ей предлагают закончить на сегодня.

Да ни за что!

Шаттнаара, видевшая эту игру мыслей на лице ученицы, усмехнулась.

“Узнаю себя, лет эдак... много тому назад”, – подумала она и с теплотой взглянула на девушку.

Азарт ученика, уверенно усвоившего новый пласт знаний и жаждущего перейти от теории к практике, ей был прекрасно знаком. Но... всё хорошо в меру.

– Поспи, – мягко проговорила целительница. – Мы обязательно продолжим, завтра же.

– Хочу сегодня же! – упрямо возразила юная чародейка, и Шаттнаара, не выдержав, прикрикнула:

– Живо спать!

Кайя, почувствовав, что предел терпения наставницы на исходе, коротко поклонилась и юркнула из гостевой комнаты к себе.

Какое-то время в доме было тихо, а потом до засыпающей целительницы стали долетать обрывки заклинаний из-за стены:

–...*equillia! Yerrha equillia!*

Но её так клонило в сон, что поругаться она решила уже утром, когда отдохнёт.

Однако, наутро ругать Кайю расхотелось. Вид у девушки оказался довольно жалкий, а ладонь левой руки была замотана в ветошь. Через ткань проступали алые пятна крови.

– Что ещё за... – Шаттнаара с трудом удержалась от скверного слова, но взгляд был весьма красноречив.

– Я тренировала формулу исцеления, – Кайя не плакала, но голос всё-таки был расстроенным. – Резала себе руку, а потом затягивала ранку чарами. Сначала всё получалось просто прекрасно, но потом вдруг она почти не излечилась... Так и кровит полночи, – девушка вздохнула.

– *Yerrha equillia!* Урок второй: у каждого чародея есть предел возможностей. Не получится творить чары бесконечно, рано или поздно они перестанут действовать, а тебе потребуется отдых. Конец занятия. Что, Бередар и про это не говорил, курвин сын?! – возмущённо фыркнула Шаттнаара.

Кайя потупилась.

– Говорил... наверное...

– Ну, хорошо, что ты усвоила это на личном опыте, – подытожила целительница. – А завтрак, конечно, не готов...

Кайя склонила голову ещё сильнее.

– Трудно с одной рукой, – вздохнула она.

– Понятно. Где у вас припасы? Мне нужны яйца, бекон и помидоры, – Шаттнаара завела прядь волос за ухо, чтобы не мешала. – Сковорода, нож и соль.

Зевающий Алдар заглянул в кухню и довольно потёр руки.

– О, яичница! Спасибо, Кайя!

– Я не... – начала девушка, но Шаттнаара перебила её:

– Да, спасибо, Кайя! Что может быть лучше сытного завтрака? – она подмигнула ученице.

Та улыбнулась и в очередной раз задумалась, отчего ей так повезло, что в этом городе есть целых два человека, которые хорошо к ней относятся.

Собственно, не только в этом городе. Вообще, в мире. Несмотря на многолетние странствия с Бередаром, девушка никак не могла считать его отношение “хорошим”. В конце концов, их совместный путь начался с попытки чародея вскрыть ей в младенчестве грудную клетку.

Стало быть, действительно повезло. Попала к по-настоящему хорошим людям. Как ведут себя *не очень хорошие* люди с теми, кто нанимался к таким в услужение, Кайя насмотрелась в странствиях с чародеем. В бесчисленных придорожных тавернах они весьма редко встречали счастливых и довольных жизнью работниц и работников по хозяйству. Куда чаще – уставших, замотанных нескончаемыми делами: подай, принеси, приготовь, убери, вымой... Попадались

и избитые, с синяками и следами ударов хлыста. Во многих местах работали не за монету, а попросту за еду.

Среди прочих ей запомнился один трактирщик в Тоддмере. Тот, казалось, нанимал в услужение только безродных калек. Выглядело это весьма благопристойно: где ещё таким найти крышу над головой и кусок хлеба? Но, разговорившись с одной служанкой, Кайя с ужасом выяснила: калек трактирщик делал собственноручно, из бродяжек, пойманных окрест. У этой была сломана и неудачно срослась нога, так, что девчонка могла лишь небыстро ковылять по таверне, балансируя подносом с глиняными кружками, заполненными элем. И попробуй пролить!

Чародейка тогда осторожно поинтересовалась у Бередара, сможет ли он вылечить ногу работницы и наказать трактирщика. От первого тот отказался сразу, резонно заметив, что служанка, наверное, не хочет ещё раз пережить *новый* перелом (а он непременно случится: бежать из того городка в две улицы ей было некуда). Что до второго, маг, ухмыльнувшись, предложил Кайе самой решать, благо, способности имеются.

Девушка, вздохнув, послонялась по гостиной, бросая на трактирщика грозные взгляды... и тихо поднялась в комнату, что они с Бередаром сняли на два дня.

Не решилась.

Несколько дней пролетели быстро. Кайя, логично предположив, что на следующей неделе времени для работы по дому у неё будет меньше, постаралась переделать как можно больше дел. В кладовой и погребе со льдом количество горшков, кринок и прочих ёмкостей, заполненных готовой едой, выросло неимоверно. У Алдара, когда тот заглянул мимоходом в этот храм еды, глаза на лоб полезли от увиденного изобилия.

Это здорово порадовало бы хвостатых и вечно голодных обитателей подвала, но девушка, предвидя такой вариант, законопатила все норы глиной, перемешанной с золой и солью.

Понятно, что надолго такой защиты не хватит. Крысы – существа целеустремлённые. Не эти норы обновят, так понаделают новых! Но хоть на какое-то время...

Словом, время пролетело незаметно. Заодно это позволяло Кайе отвлечься от тревог за новое место работы. А тревог хватало: шутка ли, помогать советнику в ратуше! Это вам не индейку с картошкой потушить..

Наконец, выходные дни миновали. Когда Алдар с новоиспечённой помощницей в ранний час шли по улицам, у той от волнения дрожали ноги, а голос, когда она выпрашивала у советника, что да как надлежит делать, ломался и звенел.

Прохожих было мало, но в ратуше оказалось на удивление людно. Человек пятнадцать сгрудились возле двери в рабочую комнату советника и оживлённо переругивались на предмет, кто пойдёт первым.

– Я тут с рассвета!

– А я ещё с вечера!

– Врёшь! С вечера стража тебя бы выгнала!

– Сама врешь! Не видела я тебя тут на рассвете!

– Так с пьяных-то глаз и не разглядишь!

– Это я-то пьяная? Да ты на себя посмотри, ик!

– Тишина! – громогласно произнёс Алдар, и спорщики действительно приутихли, продолжив переругиваться шёпотом.

– Чтоб у тебя коровы доиться перестали!

– А чтоб у тебя куры не неслись!

– Это – Кайя, мой помощник, – представил девушку советник. – Отныне, если дело не касается убийства или разбоя, то разбирать его будет она.

– З-здравствуйте, – слегка дрожащим голосом проговорила чародейка.

Жалобщики замолкли. Чуть ли не каждый принялся гадать, как бы половчее оболгать новую помощницу и склонить на свою сторону в разрешении вопросов. Ну, видно же, что девчонка совсем зелёная, в жизни ничего не смыслит! Глупая, небось, и доверчивая, что твой телок. А если что-то пойдёт не так, можно и самому советнику поклониться, заодно и жалобу на непутёвую помощницу оставить.

– Её слово – закон, – продолжил Алдар, усмехнувшись. – Я не стану вмешиваться в её решения.

Жалобщики приуныли. А ну как не разберётся девчонка-то? И такого наметет, что вообще не распутаться потом!

Кайя тоже огорчилась. А если она что-то перепутает? Обложит штрафами невинного, а злодея отпустит просто так? Зачем Алдар взваливает на неё такой груз?

– Назвалась помощницей, так расплачивайся, – проговорил советник, едва шевеля губами, чтобы его не услышал никто, кроме Кайи. – Помни: обычное наказание за какую-нибудь ерунду – две монеты серебром. Проступок посерьёзнее – до десятка. Действуй!

Алдар был доволен. Идея нравилась ему всё больше. Та займётся всей рутинной, которую каждое утро преподносят горожане: скандалы, свары, мелкие кражи... Заодно научится разбираться в делах жителей и в самих жителях. А то ишь ты, “помощница”!

Девушка же почти физически ощутила, как непривычно тяжкий груз, груз ответственности, взгромоздили ей на плечи, пригнув к земле. До сей поры она отвечала только за саму себя, ну и иногда – за Бередара, точнее – за его одежды (их время от времени требовалось стирать) и за его желудок: готовка пищи тоже была её задачей. Но эта ответственность была невеликой. Про обед она обычно не забывала, поскольку готовила на двоих, а стирка – дело не такое уж неотложное. По крайней мере, чародей не выказывал особого недовольства, кутаясь в откровенно грязную мантию, со следами от травы, золы и Создатель ведаёт чего ещё. Бранился лениво и, скорее, для порядка, а руку на девчонку не подымал вообще никогда.

А сейчас – нате вам! Решать за других – это, получается, вмешиваться в их судьбы! Пусть по малозначимому поводу, но всё-таки... Что, если наложенное ею пустяковое взыскание, в две серебряные монетки, так расстроит проштрафившегося, что тот завалится в кабак залить “горе” и обсудить мерзавку-помощницу Алдара с сочувствующими собутыльниками? А затем, хмельной, упадёт в сточную канаву и свернёт шею. Семья останется без кормильца, дети пойдут побираться на улицах, а жена пьяницы – в какую-нибудь здешнюю “Усладу путника”...

Зачем она вообще ввязалась в эти дела? Артистку цирка, в общем-то, защитить – не защитила (а может даже наоборот, сделала только хуже). Чуть не получила по... Да уж лучше бы получила! Зато сидела бы сейчас дома, кухарила себе спокойно или протирала окошки ветошью. А *такое вот* наказание и впрямь вышло строже, коварный Алдар не шутил, как выяснилось. А сам вон как ухмыляется... гусь бессовестный!

– Не смею более мешать, – с усмешкой сообщил бессовестный гусь, отпирая дверь в комнату для приёмов. – Главное, учти: в ссорах и скандалах невиноватых не бывает. А, кстати, купи к ужину свежего мяса, – он всунул ей в ладонь несколько монет.

Кайя всплеснула руками, советник заметил, что она хочет что-то сказать, и быстро ретировался.

– До вечера тебе работы хватит! – добавил он из дальнего конца коридора, и впрямь уже откровенно забавляясь.

– Кто из вас первый? – со вздохом обратилась Кайя к толпе.

– Я! – одна из тёток, растолкав всех, шагнула вперёд.

Подходя недавно к двери, Алдар её, конечно, узнал, и лишний раз порадовался, что спихнул все такие дела на Кайю. Горожанка приходила в ратушу чуть ли не каждое утро, как на работу, и жаловалась, жаловалась, жаловалась...

– Прошу, – Кайя сделала приглашающий жест, указывая на открытую дверь в комнату для приёмов.

Она уже приняла решение. Сообщить горожанке, что Алдар назначил девушку помощницей по ошибке, что решать её дело (и все прочие дела) по-прежнему будет советник и что отвечать за эти решения тоже придётся ему, но уж никак не ей, не Кайе, занятие для которой – прибраться и готовить ужин.

Но не при всех же это говорить?! Озвученная прилюдно, история бросит тень на советника, мол, совсем сдурел, домработницу потащил в ратушу...

Убранство комнаты было довольно простецким, хоть и не настолько аскетичным, как в доме у Алдара. Возле окна стоял большой письменный стол, заваленный свитками пергамента. Груда таких же свитков громоздилась в огромном деревянном шкафу. На стене висел ковёр с вытканым на нём гербом Велленхэма, но в Гатвине символику королевства узнавали немногие. После очередной чистки ковёр повесили вверх ногами, и никто этого не заметил.

Даже Алдар, регулярно имевший возможность любоваться этим произведением ткацкого искусства.

Над ковром, прямо на стене, были начертаны руны. “Справедливость превыше всего”, – гласили они. И посетители, и даже некоторые советники считали, что это – девиз Велленхэма, раз уж сие написано прямо над гербом. В действительности же высказывание никакого отношения к символам государства не имело. Подлинный девиз, золотом развевавшийся с флагами в Стеррене или Визенгерне, “мечом, словом и молотом”, давал понять, что благосостояние страны зиждется на войнах, магах и ремесленниках. Но в Гатвине несколько пренебрежительно относились не только к гербу, но и к флагам, не вывешивая их без крайней на то необходимости.

Кайя, увидев надпись, согласно кивнула: мысль ей понравилась. В конце концов, она здесь именно потому, что рассуждает так же. Справедливость должна торжествовать, и она будет прилагать все усилия, чтобы начертанное стало истиной.

За девиз Велленхэма девушка надпись не приняла. В отличие от многих, она чуть-чуть, но всё-таки разбиралась в геральдике дюжины королевств. В странствиях Бередар немало рассказывал ей про географическое устройство мира и его историю. Немного жаль, конечно, что для “справедливости” места в подлинном девизе не нашлось...

Девушка отодвинула тяжеленный дубовый стул с высокой спинкой и присела на самый краешек, в твёрдой уверенности, что это ненадолго. Вот сейчас она признается, что само её присутствие здесь – недоразумение!..

Напротив неё стояла скамья для посетителей, сделанная по указанию Алдара нарочно неудобной, чтобы жалобщики слишком долго на ней не засиживались. Впрочем, тётка была привычна к этой скамье, и неудобства не испытывала.

– Моя соседка всё время на меня *смотрит!* – заявила она сходу, так, будто уличила соседку по меньшей мере в поедании людей живьём. – Цельными днями!

– И что? – моргнула Кайя, от удивления позабыв про свой план с признанием. – Это не преступление.

Не то, чтобы чародейке были известны все законы Гатвина, но она была уверена, что смотреть на людей здесь дозволяется.

– Вы не понимаете! – горожанка перешла на заговорщицкий шёпот. – Она смотрит, а у меня молоко скисает!

– Пока не понимаю, – со вздохом признала девушка.

– Порчу наводит! – всхлипнула тётка. – Совсем житья от неё, поганки, нету!

Кайя призадумалась. Если в городе завёлся маг-хулиган, то советнику, пожалуй, стоит про это узнать. Настоящие чародеи, наверное, такой ерундой не маются, но мало ли... Здесь от неё не потребуются никаких “судьбоносных” решений. Да чего уж там, вообще никаких реше-

ний, наказаний, штрафов и ответственности. Просто пойти и проверить, действительно ли в деле замешана магия, и сообщить Алдару. Немного помочь, раз уж она здесь. Это же совсем несложно?

– Надо поглядеть, – пожала плечами Кайя. – Там разберёмся. Показывайте путь.

Толпа, ожидающая под дверью своей очереди, недовольно заворчала.

– Я ненадолго, – заверила всех девушка. – Скоро вернусь.

– Вот так всегда, – проворчал кто-то, но на этом возмущённые высказывания и закончились.

Никто не хотел впасть в немилость у новой помощницы советника Алдара.

Всю дорогу тётка болтала без умолку. Кайя, помимо своей воли, узнала, что у Фелаты (так ту звали) большая семья, что два сына уродились умными и порядочными, и уже осваивают профессию молочника и маслособа, родителям в помощь, они-то и сами с мужем молочники, а третий – совершенно непутёвый и уехал – страшно подумать куда! – аж в Визенгерн, и пытается выучиться там на – смешно сказать! – астронома, что в доме постоянно кто-то скребётся в углу, наверное, мышь, и для её излова были заведены два кота, но оба они не проявили к мышам никакого интереса, зато проявили таковой к кринкам со сметаной и к соседским курам, и Фелате уже пришлось дважды расплачиваться за удушенных птиц и ещё три раза отказать, потому как доказательств на эти случаи у соседки не было, и может быть именно из-за этого та решила навести порчу на их дом, подумать только, до чего мелочными и жадными бывают люди, извести волшебной кому-то всю жизнь из-за тощего петуха – вот же сволочи, даже если петуха вправду сожрали коты, хотя может быть он обычным путём попал в соседский суп, а соседи, будь неладны, удумали стрясти с неё, Фелаты, две монеты за просто так!

Примерно с полпути Кайя научилась поддерживать эту светскую беседу, вставляя в нужных местах “да?”, “ну и ну” и “что Вы говорите”, оставаясь мыслями далеко от сути разговора.

“Какой полезный навык, – подумала она. – Наверное Алдар владеет им в совершенстве”.

Дом Фелаты был в западной части города. Не самой богатой, но и далеко не самой бедной. Здесь селились ремесленники и другой рабочий люд, у кого не доставало денег на дом поближе к Рыночной площади, но хватало на то, чтобы выбраться из трущоб наподобие Варварских закоулков.

Дома здесь стояли по большей части каменные, вполне добротные и крепкие, а земля была ухожена: огороды, сады и приятные глазу цветники.

– Вон, вон она! – злобно хмыкнула Фелата, указывая пальцем на средних лет женщину, выглядывающую поверх забора. – Таращится!

Девушка без раздумий подошла к ней.

– Я – Кайя, помощница советника Алдара. Вы почему не живёте с соседями в ладу?

– Сгинь! Провались! – неожиданно выкрикнула та, взмахнув руками, и, поскольку помощница советника не сгнула и не провалилась, добавила:

– Я, как есть колдовка, проклиная тебя!

Кайя слегка опешила, но виду не подала.

– Я ведь тоже могу проклясть. На десять монет серебром, – припомнила она размер штрафа, который Алдар назначил зеленщику. – Уплатить до конца недели.

– Простите, – буркнула женщина, уразумев, что её “магия” девушку не напугала. – Больше не повторится.

– Конечно не повторится, – согласно кивнула Кайя. – Потому что иначе ещё раз оштрафую. Причём каждую! – ёмко присовокупила она и закончила алдаровой фразой:

– В ссорах не бывает не виноватых.

Соседки одновременно ахнули.

– Чего деется-то... А, Фелька? – осторожно проговорила несостоявшаяся колдовка. – Как же мы теперь-то, а?

– Молча, – веско проронила Фелата, отпирая свою калитку. – За курей платить всё равно не буду. Но ежели хочешь – сметаны налью. Заходи с кринкой.

Кайя развернулась и, помахав рукой спорщикам, зашагала обратно к ратуше. Настроение у неё было превосходным.

“Первое же дело – и так удачно всё устроила, – думала она. – И без важных решений обошлось, и все довольны. Соседки помирились, справедливость восстановлена! Может, не бросать пока это дело? Вдруг будет получаться?”

Кайя поймала себя на мысли, что ей *хочется*, чтобы получилось. Люди, которые относились к ней хорошо, которые ей нравились – Алдар и Шаттнаара – занимались именно восстановлением справедливости, так или иначе. Советник пользовался, по большей части, мечом, а целительница – магией, но оба они в итоге делали мир *лучше*, по мере своих сил. Занятие достойное, как ни погляди! Ей следует поступать так же, брать с этих людей пример. Глядишь, через несколько лет и сама станет для кого-то примером...

Она свернула в проулок, сокращая путь.

“Надо бы поспешить! В ратуше собралась такая толпа, а я ушла... Интересно, остальные жалобы такие же пустячные?”

Додумать эту мысль девушка не успела. Что-то тяжёлое обрушилось ей на голову. Перед глазами промелькнула короткая вспышка, полная боли, а затем наступила тьма.

Сознание возвращалось медленно, тяжело. Сначала Кайя начала слышать какие-то обрывки фраз, совершенно не понимая их смысла. Затем накатили ощущения: самое первое – дикая боль в затылке, до стога, до кругов перед глазами. Когда та чуть поутихла, девушка поняла, что сидит на деревянном стуле, но не может пошевелиться. Руки и ноги были туго связаны грубой верёвкой, коловшей запястья и лодыжки.

Несколько мгновений девушка недоумевала, почему вокруг темно, а потом сообразила, что у неё на голове надет плотный холщовый мешок.

– Кто вы? Что вам надо? – подала она голос и тут же получила затрещину, такую, что чуть не свалилась вместе со стулом на пол.

– Заткнись! – был ответ. – Сиди и не вякай!

Говорил мужчина.

– Я – помощница советника Алдара, – не вняла совету Кайя и задохнулась.

Кулак вошёл ей прямо в солнечное сплетение.

– Сказали тебе, молчать!

– *Yerrha equillia*, – прошептала девушка, как только смогла дышать.

Стало немного легче.

– Зачем я вам? – тихо проговорила Кайя.

– Что? Не заткнулась? Мало тебе?!

Девушка сжалась, ожидая очередного удара, но другой голос, женский, произнёс:

– Хватит её бить. Сломаешь чего-нибудь.

Голос вроде был знакомым, но Кайя не могла уверенно определить, кому он принадлежит.

– Ну и что? Зато будет сидеть тихо.

– Хватит, я сказала.

В голосе женщины прорезалась сталь.

– Если вернём её избитой, Алдар будет искать нас всюду. А так – побесится и успокоится.

– И две тысячи золотом простит, да? – скептически поинтересовался мужчина.

– Может быть. Он так обрадуется, увидев свою дочь живой и *здоровой*, – женщина сделала акцент на слове “здоровой”.

Несмотря на незавидное положение, Кайя фыркнула.

– Дочь? Мы даже не родственники.

– Ври больше, – мужчина, судя по голосу, отошёл на несколько шагов. – Все знают, что Кайя Энедаль – помощница советника Алдара Энедаль. Устроил папочка дочурку в тёплое местечко, – хрипло рассмеялся он.

– Вы ошиблись, – девушка облизнула разбитую губу. – Он взял меня на работу, записав, будто я принадлежу к его дому.

– Ну всё, хорош заливать, – мужчина снова приблизился. – А то зубы выбью.

– Нет, дай ей сказать, – перебила его женщина.

– Я Алдару никто, – повторила Кайя. – Не дочь, не племянница и не сестра, – добавила она и резко замолкла, осенённая внезапной догадкой.

“Если они поймут, что никаких денег за меня из Алдара не вытрясти, то...”

Додумывать ей не хотелось.

– Сходи, разузнай, – велела женщина.

Судя по топоту, с которым подельник кинулся выполнять распоряжение, он явно был ниже рангом.

Кайя попыталась воспользоваться возникшей у врагов заминкой. Договариваться – пустое, это было ясно сразу. Она наострила слух, внимая малейшим звукам. Вдруг кто-то подаст голос на улице. Вот бы там оказался прохожий, а ещё лучше – стражник! Всего-то останется дела – крикнуть о помощи, заорать, что есть мочи.

Ударит, выбьет пару зубов? Не страшно, придётся потерпеть. Интересно, исцеляющее заклинание поможет вырасти новым, или просто уймёт кровь и боль?..

Но что, если похитительница её попросту прикончит? Перережет горло, чтобы не кричала. К счастью (или к несчастью), выбирать Кайе, звать на выручку или нет, пока не требовалось: с улицы не доносилось ни звука.

Вернулся мужчина довольно быстро, и ещё с порога начал сыпать ругательствами.

– Девчонка не соврала, – завершил он свою тираду. – Зря под такое дело подставились.

– Не соврала, значит, – женщина, судя по интонациям, чуть расстроилась. – Что ж...

– Я – незаконнорожденная дочь, – пискнула Кайя, но похитители лишь рассмеялись дуэтом.

– В подвал, – распорядилась женщина. – И закончи там. Потом приберись.

У девушки от страха пересохло в горле. “Подождите!” – хотела прокричать она, но получилось издать только сдавленный хрип. Кто-то поднял её вместе со стулом, легко, как пушинку, и понёс. Сначала – прямо, потом по ступеням вниз.

Гулко захлопнулась дверь.

– Глупо получилось, – расстроенным голосом сообщил Кайе мужчина. – Уже месяц сидим без монеты, такой шикарный план придумали, и на тебе! Ты не держи зла. Сама понимаешь, свидетели нам ни к чему.

– Сними мешок, – тихо попросила Кайя. – Не хочу умереть с вонючей тряпкой на голове.

– Тебе не всё ли равно? – хмыкнул похититель, однако мешок с девушки всё же стянул.

Чародейка, наконец, увидела его, и он тут же упал мёртвым: желание было однозначным.

“Надо было ещё попросить развязать верёвки, – запоздало подумала Кайя. – Как теперь выбраться?”

Она попробовала пошевелить руками или ногами, но безрезультатно. Узлы были сделаны весьма качественно.

“Глупо будет помереть здесь от голода”, – мрачно вздохнула девушка.

Помощи было ждать, понятно, неоткуда.

Она ещё раз вздохнула и принялась рыться в памяти. Было ведь заклинание, которое пережигает верёвки, Бередар про него как-то рассказывал! Ну же!

– Ну, что ты так долго возишься? – возмущённо проговорила похитительница, рывком распахивая дверь. – А...

Больше она не успела ничего сказать, присоединившись к поделнику. Кайя определённо видела её впервые в жизни, даром, что голос показался знакомым.

Два трупа. Но при этом – справедливость в чистом виде. Никаких угрызений совести, даже лёгких намёков на оные, девушка, понятно, не чувствовала.

“Может, позвать на помощь?” – подумала она, но прикинула толщину стен и поняла: смысла тратить силы на крики попросту нет. Не услышат.

“А если услышат – то ещё неизвестно, хорошо это или плохо, – усмехнулась Кайя в мыслях. – Может, их трое, или четверо, или вообще десяток”.

Это подстегнуло её попытки вспомнить формулу. Действительно, задерживаться здесь в любом случае опасно. Надо выбираться!

– *Thiaro Exanthaero!* – звонко продекламировала она, зажмурившись в ожидании боли от ожогов.

Ничего не произошло. Верёвки не вспыхнули, не рассыпались в пепел, и как будто даже стянули руки ещё чуть крепче.

Кайя шёпотом произнесла одно из известных ей ругательных слов, а вслух попробовала заклинание ещё раз. И ещё. И снова, перебирая возможные варианты произношения.

– Думай лучше! – приказала она себе после двадцатой неудавшейся попытки.

Но “лучше” не получалось. В доме было тихо, поделники у похитителей если и были, то сюда не являлись. По всему выходило, что разработка способов высвободиться затянется на часы, а то и дни.

Голодать несколько дней Кайе приходилось. Но прожить их не только без еды, но и без воды девушка никогда не пробовала.

“Вот и попробуешь”, – мрачно подумалось ей.

Затем чародейка начала прикидывать, каков шанс, что в подвал заглядывают крысы, и что эти хвостатые посетители перегрызут верёвки. Но сообразив, что, когда крысы явятся, то начнут вовсе не с верёвок, она пригорюнилась окончательно.

– Кайя! Ты здесь?! – наверху внезапно раздался голос, сопровождаемый каким-то грохотом, будто на камень упала деревянная колода.

– Здесь! – прокричала в ответ девушка.

Этот голос она узнала сразу. Шаттнаара.

– Как Вы меня нашли? – с радостным удивлением спросила Кайя, когда целительница, ругаясь, спустилась к ней в подвал.

– Везение, – буркнула Шаттнаара, подхватывая с земли кинжал похитителя. – Что они от тебя хотели? – палец целительницы указал на два валяющихся трупа.

Вопроса наподобие “что здесь произошло” она не задала. Это и так было ясно.

– Выкуп, – коротко ответила Кайя. – От Алдара. Думали, что я – его дочь. А когда узнали, что это не так...

– погоди, – Шаттнаара даже прекратила разрезать верёвки, опутывающие девушку. – От кого узнали? Ты им сказала, что ли?!

Кайя грустно кивнула.

– Ой, какая ду-ура! – протянула целительница, даже с каким-то восхищением, мол, видала я разных, но ты переплюнула всех.

Девушка снова кивнула, ещё печальнее.

– Да везучая какая! – тем же тоном продолжила Шаттнаара. – Вот что бы ты делала, не приди я?! Алдар с ног сбился, разыскивая тебя, но не может же он проверить каждую хибару в Гатвине!

– Сбился... – растерянно повторила Кайя. – Почему? Я же всего-то час назад ушла!

Шаттнаара внимательно посмотрела на девушку, и той стало даже не по себе от такого взгляда.

– Верно же? Час назад? – осторожно переспросила она.

– Угу, – целительница ехидно хмыкнула. – Вчера! Тебе что, по башке заехали?

Кайя вздохнула.

– Представьте себе...

– Алдар, тоже дурная задница, вместо того, чтобы сразу рассказать всё мне, всю ночь шерстил разные закоулки. – продолжала Шаттнаара. – Так что, если он всё-таки решится тебя выпороть, я не стану его отговаривать на этот раз, – целительница, наконец, закончила перебивать верёвку и с ругательствами разогнулась.

Девушка сначала хотела привычно согласиться, мол наказание – так наказание, но вдруг вскинула голову:

– За что? Я ни в чём не виновата! На меня напали со спины!

– За дурость, – отрезала Шаттнаара.

– За это не наказывают, – не менее безапелляционно заявила Кайя. – Не моя вина, что в городе небезопасно!

Целительница с удивлением посмотрела на девушку.

– Ишь ты! – уважительно проговорила она. – Ну, вот так Алдару и скажешь. Только мой тебе совет: говори это очень-очень быстро. Чтоб успеть.

– Успею, – проворчала Кайя. – Госпожа Шаттнаара, а как звучит формула, которой можно пережечь верёвки? Ну, на будущее.

– Ты всё-таки планируешь влезать во всякое дерьмо регулярно, по расписанию? – осведомилась целительница, выходя следом за девушкой из подвала. – Тогда тебе понадобится прорва заклинаний!

Они прошли по каменному полу до двери и вышли из злополучного дома. Дверь этому не препятствовала: она лежала в проёме, как будто её вынес ураганный ветер. Замок оплавился.

– Может быть, у Вас есть какая-нибудь книга, где записано всё самое нужное? – наивно полюбопытствовала Кайя, жмурясь от яркого солнца.

Шаттнаара фыркнула.

– Есть, – охотно согласилась она. – Ты читаешь на Древнем Слове?

Вообще-то целительница думала съехидничать. Но не удалось: она несказанно удивилась, когда Кайя просто ответила:

– *Ae, thaed elvaerha ca nierh*³.

– Да ты полна сюрпризов! – воскликнула Шаттнаара. – Тебя учил Бередар?

Девушка кивнула.

– Лучше б он чарам тебя выучил, как следует, – всё-таки нашла повод для язвительного замечания целительница.

Кайя вздохнула. Она была полностью с этим согласна. Знание Древнего Слова и ещё пары языков ей пока никак не пригодилось, а вот магические умения помогли бы решить много проблем.

Или даже не впутываться в них.

Советник Алдар стоял в дверях собственного дома и наблюдал, как приближаются Шаттнаара и Кайя. Бегло окинув обеих взглядом (бросающихся в глаза ран и переломов нет, остальное – позже!) он посторонился, дав пройти внутрь.

– Я всё объясню, – начала Кайя, и с неудовольствием отметила, что голос дрожит и ломается.

³ Да, и говорю на нём. – Древнее Слово.

Как будто она и вправду в чём-то виновата.

Алдар захлопнул дверь, заложил тяжёлый стальной засов, повернулся и... стремительно обнял девушку.

Всего на несколько мгновений. Затем – отступил на шаг и произнёс:

– Ну... объясняй.

Кайя начала рассказывать о своих злключениях. Талантом сказителя она особо не блистала, и вся история заняла три, от силы – пять минут.

– Это я виноват, – неожиданно для девушки сделал свой вывод Алдар. – Придумал бы тебе любое другое родовое имя, и никто б не решил, что мы с тобой связаны кровными узами.

– Хотел, как лучше, да? – понимающе усмехнулась Шаттнаара.

– Да! Подумал, что с таким именем к девчонке не будут приставать, – развёл руками советник.

Целительница красноречиво постучала пальцами по лбу.

– Теперь приставляй к ней стражника.

– Сам буду охранять, – помотал головой Алдар. – Твоя работа в Совете завершена, разумеется.

– Это ещё почему? – возмущённо воскликнула Кайя. – Я только начала.

– И едва не закончила, в подвале, по частям, – напомнил ей советник.

Девушка упрямо сжала губы. Шаттнаара, увидев это, усмехнулась: ученица снова напомнила её саму в молодости.

– Я буду осмотрительней.

– Так не пойдёт, – Алдар тоже умел упрямится. – Я должен тебя защищать.

– Почему? – удивлённо взглянула на него Кайя.

– Да, Алдар, действительно, почему? – лукаво взмахнула ресницами целительница.

– Потому что... Да потому что... А, делай, что хочешь, – махнул рукой советник и ушёл к себе.

– Ничего не поняла, – повернулась девушка к Шаттнааре.

Та усмехнулась.

“В сущности, разница-то не большая. Подумаешь, двенадцать лет!” – подумала она. Вслух же сказала только:

– Подрастёшь – поймёшь.

Кайя скептически поджала губы. Она слышала подобное присловье не раз и не два, от Бередара, и в пять лет, и в десять. И что же? Она подросла, но многие вещи остались по-прежнему непонятными.

Так что нет, понимание зависит не от возраста.

Целительница между тем продолжила:

– Я пока останусь здесь. Подготовь какую-нибудь комнату.

– Зачем? – вырвалось у Кайи. – То есть, это здорово, вот только надо спросить у Алдара...

– Он не против, – перебила её Шаттнаара. – И что значит “зачем”?! Попробую научить тебя паре боевых заклинаний. Поскольку ты – непревзойдённый мастер по поиску приключений на задницу, это явно будет нелишним.

– Боевые заклинания? – с восторгом переспросила Кайя. – Ух ты, здорово!

Она умчалась по лестнице наверх, к гостевым комнатам, горя энтузиазмом. Целительница, улыбаясь, проводила её взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.